

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 16

Трюм и палуба. ..Тетринию и некоторым другим рабам удалось выломать решетку люка и высочить на палубу...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЧТОВО-ПОСЫЛЧНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
Москва, 12, Москворецкая, 24/С

УНИВЕРПОЧТ

Высылает в кратчайший срок

ТРИКОТАЖНОЕ ИЗДЕЛИЕ

ПО ФАБРИЧНЫМ ЦЕНАМ

СВИТЕРА шерстяные цветные от 8 р. до 13 р., бумажные, крученной пряжи, цветные—5 р. 25 к., детск. шерст.—5 р. 09 к., 5 р. 65 к., 6 р. 22 к., 7 р. 25 к. **ПОЛЛУВЕРЫ** шерстян. мужск.—13 р., 16 р. (2 к., 17 р. 52 к., детские—5 р. 50 к. **ДЖЕМПЕР** шерстян. мужск. от 13 до 20 р., детск. 7 р. 91 к., 10 р. 17 к., 13 р. 55 к. **ЖАКЕТЫ** дамские шерстяные от 13 р. 20 к. до 20 п., дамские бумажные от 7 р. 35 к. до 11 р. 50 к. **ПЕРЧАТКИ** мужские и дамские шерст. от 1 р. 59 к. до 3 р. 50 к., трикотажные на кнопках от 1 р. 25 к. до 3 р. **БЕЛЬЕ** с начесом суров. бумажн. кальсоны—2 р. 84 к., фуф. йки—2 р. 34 к. **ЧУЛКИ** дамские—всевозм. и шелковые от 53 к. до 3 р. 50 к., вигоновые—1 р. 05 к. **НОСКИ** шерстян., бумажн. черн. и цветн. от 47 к. до 2 р., вигоновые—75 к. **ШАПОЧКИ** всевозможные дамские и детские от 1 р. 10 к. до 4 р. 50 к. **ШАРФЫ** от 1 р. 39 к. до 10 р. **ПАЛАНТИНЫ** бумажные от 8 р. до 10 р., шерстяные от 12 р. до 27 р. **ПАНТАЛОНЫ** дамские бумажные все шве а: № 4—1 р. 64 к., № 5—1 р. 81 к., № 6—1 р. 97 к. **КАШЭ** бумажные цветные—73 1/2 к., искусственного шелка от 1 р. 90 к. до 3 р. 40 к. **ГЕТРЫ** спортивные шерстяные 3 р. 95 к.

Заказы исполняются на сумму не ниже 5 р. по получении задатка 25 %, остальное наложен. платеж. Упаковка и перес. по действ. цене за счет заказчика. Полный иллюстр. прейскурант—60 к.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую выс. налож. плат. в 3-дневн. срок. магазин ВЦСПС. Москва, Кузн. Мост, 20. Каталог по физкультуре и бухгалтерии выс. по получении 15 к. почт. марк.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ ШВЕЙНОМУ ДЕЛУ

I. курсы: 1) КРОЙКИ и ШИТЬЯ, 2) ВЫШИВАНИЯ, 3) ГОЛОВНЫХ УБОРОВ.
II. ОБУЧЕНИЕ кройке и шитью ПО ПЛАТАМ.
III. КУРСЫ ПОМ. ИНСТРУКТОР. и КРУЖКОВЫХ ЗАКР. И ШИШК.-ИЦ.
IV. КУРСЫ ПО ОКОНЧАНИИ—свидетельство.
СПРАВОЧНИК 20 к. мелк. марк. На курсах обучаются 12500 чел. МОСКВА, 9, Тверская, 24. Заочные Госкурсы.

ЧУДЕСА А. Л. Нечаев БЕЗ ЧУДЕС
Интерес. ЗАБАВЫ, занимает. ОПЫТЫ, Женщины без тулупа. Негор. нитка. Волшебное стекло и др. 286 стр. 150 рис. Высыл. налож. за 1 руб. 65 коп. с пересылкой, Москва, Моховая, 22/В, Кооп. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ».

ШКОЛА ОРГАТОРА

В. К. СЕРЕЖНИКОВ. Полный курс ораторского искусства. Посobie для раторов, лектор. чтениев, жуковод., школы. преподав., актеров. I ч. ТЕХНИКА РЕЧИ. II ч. МУЗЫКА СЛОВА. III ч. ШКОЛА ОРГАТОРА. Цена за 3 ч. в 2-х томах с пер.—4 р. 25 к. Москва, ул. Герцена, 31/12. Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

ПРИОБРЕТАЙТЕ ГАРМОНИКИ С ПЕДАЛЯМИ РЕГУЛИРУЮЩИМИ СИЛУ ЗВУКА
Новейшее изобрет. Н. З. Синицкого
ПРЕЙСКУРАНТ ВЫСЫЛАЕМ БЕСПЛАТНО
На 2, 3 рядн. ВЕНСКИЕ и ХРОМКИ
3 рядн. ЛЕНИНГРАДСКИЕ «БАЯНЫ»
ОРКЕСТРЫ на 7, 10, 14, 18 и 25-испола, с различными тембрами звуков.

Т-во «КУСТ—МУЗ—ПРОЗ» Н. З. Синицкий, А. Ф. Мясников и К°. Волоколаминское Череп. Окр. Село.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Проф. Г. ВАН-ЛУИ. В 2 томах, с многочисл. иллюстр. в текс е. Перев. на все европ. языки. В Америке разошелся в 1000000 экз. Ц. за 2 т.—4 р., в одном худ. перепл.—5 р. 50 к. с перес. Издат. «Пучина». Москва, Петровка, 20/В.

НОВИНКА изд. 1929 г.
Самоучитель игры на СКРИПКЕ
под ред. проф. Р. Валешека. Общедоступн. практич. руководство с приложн. упражн. и начальной пьес. Ц. с перес 3 р. 25 к. МОСКВА, ул. Герцена, 31/12, Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

МУЗЫКА ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ ВСЕХ!
БАЯНЫ 40 клав. 70 бас.—225 и 250; 49 кл., 90 бас.—300, 350 и 400 р. ГАРМОНИКИ, 2-рядн. в 35, 40, 45, 55, 65, 75, 85, 100 и 150 р. ГИТАРЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. МАНДОЛИНЫ в 15, 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. БАЛАЛАЙКИ в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 рублей.
ПОЛНОЕ СБОРУДОВАНИЕ ВЕЛИКОРУС. ОРКЕСТР. Прейскурант за две 10-коп. марки высылает
1-е МОСКОВСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ Т-ВО Н. Т. Авиллов, А. К. Соколов и К°. Москва, Покровка, 53/В.

БРЕЙТЕСЬ САМИ!
Выписывайте непосредственно из фабрики бритвенных прил. «Шведский Жилетт», с стоячий из посеребренной безоп.ной бритвы, запас. лезвия и крисовки. Высылаются по получении 4 р. или налож. платеж. на 4 р. 50 к. Упаковка и пересылка за счет фабрики. Д. Бавочные лезвия по 25 к. штука. Москва, 47, Лесная, 11, Русско-Германское Т-во Экспедиция 8.

ЗАОЧНЫЕ ГОСКУРСЫ РОСПИСИ (РАЗРИСОВКИ).
Роспись по всевозможным тканям: мягким золотом, серебром, масляными, рельефными англовыми (нераспыляемыми) красками. Бисерн., жемчужн. и мерзлыми присылками. Роспись по сосудам, стеклу, целлулоиду, коже и дереву. Полный курс, 12 уроков, в 4 месяца. К урокам дается свыше 100 рисунков (кроме текстовых). По оконч. выд. свидетельство. Уменья рис. не требуются. Проспект и программа высылаются за 20 коп. мелкими марк. ми.
Москва, ул. Дзержинского, д. 7. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ СОНО.

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ В ВУЗЫ
Полн. курс физики и химии (950 стр.). Сост. по новому методу Рекоменд. Гос. Ученым Советом В. Г. Фридман.
Производственный учебник ФИЗИКИ и ХИМИИ—общедоступное, ясное изложение, спец. опросники и 900 рис. гарант. быструю успешную усваиваемость. Высыл. налож. пл. 3 р. 75 к. АЛГЕБРА полн. курс проф. Давидова (504 стр.) перераб. и доп. 24-е изд. Выс. налож. пл. 2 р. в пер. с перес. Москва, Моховая, 22/В, Кооп. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ».

КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН УМЕТЬ КРАСИВО ПИСАТЬ БЫСТРО
Научиться этому легко по руководству И. КАЛМЫКОВА. Полн. курс, 243 рис. с прилож. транспоранта. Цена с перес. 1 р. 75 к. Москва, Моховая, 22/В, Кооп. Изд.-во «САМООБРАЗОВАНИЕ».

ПОДАРОК ЖЕНЩИНАМ!!!
Поварен. книга изд. 1929 г.
ДЕШЕВЫЙ СТОЛ сост. М. П. ГОТВАЛЬД
400 разнообразных блюд мясных, рыбных и вегетарианских. Холодные закуски. Издания из теста. Приготовленные варений, конфет, пеничий, квасов и шипучих вод.
СЫТНО, ВКУСНО и ЭКОНОМНО
Цена 1 р. 50 к.
Новое 4-е издание 1929 года.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ
А. Осский, с рис. в тексте 1 р. 60 к.
(Цены указаны с пересылкой).
Москва, Китайгород. ст., п. № 7/Б или почт. ящ. 867/Б. Кни. дело «БУКИНЕРИ» И. А. Дувидзон.

ЖЕНЩИНЫ!
Если вы хотите сэкономить деньги и вкусно приготовить пищу, приобретите наст. повренную книгу АНИА. Растит. молочн. стол. Меню 500 разн. питат. вегетарианск. блюд (завтраки, обеды, ужины, десерты, печенье и пр.). Ц. 1 р. 50 коп., в перепл. 1 р. 75 к. Высыл. налож. плат. Москва, Политехнич. музей, 110/В. «КУЛЬТУРА и ЗНАНИЕ».

НЕ ТРЕБУЕТСЯ ЗНАНИЯ ПОТ НОВЫЙ ОБЩИЙ САМОУЧЕТЕЛЬ ДЛЯ ГИТАРЫ МАНДОЛИНЫ И БАЛАЛАЙКИ с нов. песнями, романс. и пр. Цена 2 р. 50 к.
ДЛЯ ГАРМОНИКИ (двухр.) русск. и загр. строя, такой же самоуч. с 30 муз. №№ высыл. за 2 р. 25 к. Москва, Политехн. музей, 110/В. Кооп. Т-во «Культура и Знание».

НЕ ТРЕБУЕТСЯ ЗНАНИЯ ПОТ НОВЫЙ ОБЩИЙ САМОУЧЕТЕЛЬ ДЛЯ ГИТАРЫ МАНДОЛИНЫ И БАЛАЛАЙКИ с нов. песнями, романс. и пр. Цена 2 р. 50 к.
ДЛЯ ГАРМОНИКИ (двухр.) русск. и загр. строя, такой же самоуч. с 30 муз. №№ высыл. за 2 р. 25 к. Москва, Политехн. музей, 110/В. Кооп. Т-во «Культура и Знание».

ПОЛЕЗНЫЕ КНИ
100 лучших образцов ШРИ для чертеж., планов, диареклам, плакатов. 27 г. Егоров. Ц. 1 р. 80 к.
!!! ВАЖНО РАБОРАМ К А К ПИСАТЬ В ГАЗИ НАДО Сост. Куманов. 27 г. Ц. 1
ВОСПИТАНИЕ ВОЛИ теммент, характер, самовнушение 29 г. Сост. проф. В. М. Энциамский. Ц. 2 р. 40 к.
ПОЛНОЕ РУКОВОДСТВО ПСОВОЙ ОХО в 3-х част. 537 стр. Сост. Губин Л. (РЕДКАЯ КНИ 1891 г.). Ц. 1 р.
Горчаков О. **РЫБОЛОВ** Ужры Жизнь. Ловля. С приложн. «Рыболов календаря» 1060 500 рис. Сост. Сабанеяев, роск. зол. тисн. перепл. Ц. Березников КАК НАУЧИТЬ СЧИТАТЬ НА СЧЕТ слож., выч., умнож. и дел. Ц. К ДЕЛАТЬ В ЛЕСНИКУ на непромок. и негоряем. табумагу, обувь и др. 128 стр. рис. 29 г. Сост. Билчнев. Для кустаней 1 р. 40 к.
ТАБЛИЦКА ЧУЧЕЛ ПТИЦ ЗВЕР 96 стр. 61 рис. Сост. Демт. 9 г. Для любит. и кустан. П. БОЧАРНОЕ производств. П. «ОН ЛАР» ОБЕ производств. П. МАСЛОБОЙНОЕ произв. П. КУСТАРЫ-СМОЛОКУР (кни. лучш. смолу, канифоль). Ц. на 6 к.
полный СПРАВОЧНИК ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ

БОКС, БОРЬБА, ДЖИУ-ДЖИУ Гребля, плавание и др. 550 к. Короновский. 11. 2 р. 50 к. ЕГО ЖЕ

ЗАЩИТА И НАПАДЕНИЕ учебне руковод. по бокс борбе, фехтованию, стрелн. и др. С рис. Ц. 1 р. 75 к.
МОЕ ВОЛОСЧЕНИЕ Кни. Испыт. в течен. 40 дст. на 1 р. 25 к.
Шаховская. **КРОЙКА и ШИТЬЕ БЕЛЬЯ** мужск., женск. издс с черт. и СОСТОВЛ. ВЫКРО с атл. черт. 2 кн. Ц. 2 р. и заим. 29 г. Сост. Мирлес. Ц. 1 р. Комаров ГОЛОВОЛМКИ решениями Ц. 60 к.

ФОТО СПРАВОЧНИК РЕЦЕПТУРА. 447 стр. 28 Сост. Евдокимов. Ц. 2 р. 50 А также **ЛЮБУЮ КНИ** высылает налож. платеж. КНИЖН. МАГАЗ. «НАУКА и ЖИЗНЬ» С. Н. НИКОЛАЕВА. Москва, 9, Воздвиженка.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
Проф. Г. ВАН-ЛУИ. Капитальный труд знаменит. американского ученого, разошедши. в Америке в количестве 1000000 экз. Цена 2 т.—4 р., в роскошн. перепл.—5 р. 50 к. Москва, Политехн. Музей, 110/В. Кооперативное Т-во «Культура и Знание».

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

НА ЖУРНАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АКЦИОНЕРНОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО О-ВА «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»
В виду наблюдающихся случаев обращения подписчиков с жалобами на неполучение тех или иных изданий спустя продолжительное время, что часто делает невозможным наведение справок и выяснение по ним причин задержек, настоящим доводится до сведения подписчиков, что жалобы на неполучение изданий должны сообщаться Издательству не позднее 2 месяцев с момента рассылки изданий, в противном случае удовлетворение будет производиться за счет подписчика.

Рекламная часть Отдела Периодических Изданий Государственного Акционерного Издательского Общества «Земля и Фабрика» помещается—Никольская улица, д. 10. Телефон 2-32-36.

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 16

6р. в год за ежем. журнал «Всемирный Следопыт» с приложением «Вокруг Света», 12 №№ «Всемирный Турист» и 13 многокр. табл. «Народы мира» на обл. журн. За границу подписная плата выше на 50%. За перемену адреса — 20 коп.

Редакция «Всемирный След.» и «Вокруг Света»: Москва, Пушкинская, Лубянский пасс., пом. 63. Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только с приложениями по I абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, Никольская, 10) и во всех почтовых отделениях, а также по железным дорожкам.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10, тел. 2-32-50): за строку поим. — 3 р.; за страницу — 1750 р. (сверх тарифа — госналог 10%). При многократном печатании — скидки по соглашению.

10р. в год журн. «Всемирный След.» с приложением «Вокруг Света» (сверх указан. слова) 24 книг полного собрания сочин. Д. М. Лондона (второй половины; первая половина, вышедшая в 1923 г., высылается за 4 р. 50 к.)

СОДЕРЖАНИЕ: Жизнь и скитания изобретателя-самоучки: Ягодный следопыт. Серия рассказов Н. Железничкова. о Беш-нае азалия. Рассказ Я. Сорнева. о Пещера огня. Рассказ А. А. Ановарского. о Трюм и палуба. Исторический рассказ Василия Яна. о Среди книг. о Всемирный калейдоскоп. о Объявления.

ЖИЗНЬ И СКИТАНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ-САМОУЧКИ

Серия рассказов Н. Железничкова

Рисунки худ. П. Староносова

Ягодный следопыт

Сколотив за два месяца около пятидесяти рублей, Мухартов в июне 1910 года решил отправиться на все лето в тайгу. Сборы были недолги — на другой же день он двинулся с сумкой и ружьем за плечами по Забайкальскому тракту. Шел не спеша, останавливаясь для отдыха и охоты на несколько часов в тех местах, которые ему нравились. Держался больше глухих тропинок, несколько в стороне от тракта. За несколько дней, в течение которых Мухартов удалился от Иркутска километров на семьдесят, ему повстречалось в тайге не более шести человек. Он не тяготился одиночеством, так как каждый день блуждания в таежной тишине возвращал ему силы и спокойствие.

Но все же он был приятно удивлен, неожиданно встретив в лесу столько народу, сколько не рассчитывал увидеть за все лето. Сперва до него донеслась песня, потом женское ауканье, и после этого он увидел мелькающие между кустами платья. Голосов слышалось все больше. Выйдя к краю прогалины, Мухартов остановился, заинтересованный странным зрелищем. Растянувшись по тропинке цепочкой, через прогалину проходила целая ватага каких-то лесных людей. Большинство — женщины в пестрых платьях, преимущественно молодые девушки. Попадались и старики. Прошло также несколько мальчиков. Все они шли с ношей, которая разнилась лишь по количеству, и хотя кладь выглядела огромной, они несли ее без особого напряжения, почти играючи.

В первое мгновение Илье Федоровичу показалось, что они тащат на спине вязанки березовых коленьев в полметра и более длиной. Но потом он увидел, что это

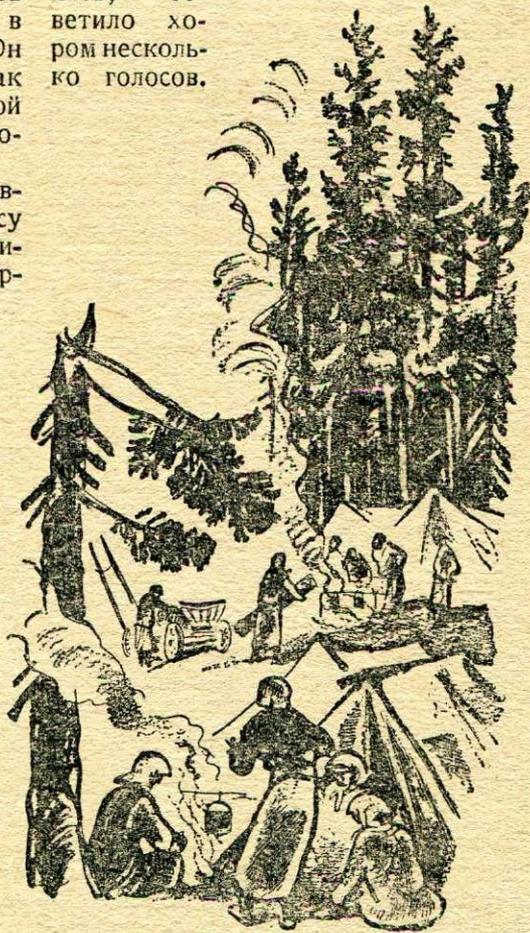
так называемые «сколотни», сделанные из бересты.

Голова и хвост вереницы, растянувшейся по поляне, скрывались в лесу. Мухартов насчитал сперва пятнадцать человек, потом еще десять. Он вышел из-за кустов и махнул рукой.

— Красавицы! Далеко ли отсюда деревни?

Процессия сразу остановилась. Девушки подошли к Мухарту.

— До Колтука верст двадцать пять, — ответило хором несколько голосов.

На холме расплазались во все стороны причудливые палатки...

— Есть и ближе — Глотова, да оно у тебя позади осталось.

— А вы из какой деревни?

В ответ засмеялись.

— Мы теперь тут недалеко в лесу живем, свою деревню построили, Безьянную, — ответила высокая пожилая женщина с лицом коричневым и сморщенным как сушеная груша. Сходство с грушей дополнялось и формой головы, обмотанной темным платком, спускавшимся тонким завитком под самым подбородком. Она опустила свою ношу на траву. Другие последовали ее примеру.

— Ну, это теперь, а всегда где же вы живете?

— Да ты с луны свалился, что ли? Не видишь раззе, что мы просто приехали из Иркутска ягоды собирать.

Разговорились. Оказалось, что это самые настоящие «ягодники», расположившиеся на весь сезон в тайге. Они стали уговаривать Мухартова остаться с ними:

— Нас более семидесяти душ, а оружия ни у кого. И мужчин-то почти нет: несколько мальчишек да несколько стариков, зверя и побаиваемся. Еще и место тут есть одно поблизости неладное. Останься. Дичи много. Тебе веселей, а нам спокойнее. Мы тебе ягодный пай выделим.

Илье Федорович отшучивался, отнекивался — ему хотелось идти дальше.

— Ну, айда к нам в табор, там хоть отдохнешь, — сказала женщина со сморщенным лицом.

Дорогой Мухартов спросил, как они справляются с доставкой и продажей ягод.

— Что ж, продаем в Иркутске на базаре ягоды вместе со сколотнями, чохом от гривенника до пятиалтынного за штуку. К нам сюда каждый день три, а то и четыре подводы приезжают. За день-то, ми-

лый, шестьсот—девятьсот скелетней надо увезть. Наши старики только поспевают бересту вертеть. Да вот сам увидишь.

Через четверть часа по пологому косогору поднялись к лагерю. На

Максимыч нахмурился, сердито пожевал губами, потом заворчал...

холме между редко расставленными необхватными столами расплзлись во все стороны палатки, землянки и шалаши самого причудливого вида и разнообразных размеров, от одиночных до приспособленных для целой небольшой артели. Слово заблудившиеся обломки ледника кое-где белели солдатские палатки. В воздухе стоял зловонный запах.

Посреди табора грузили скелетней на телеги. Вночь пришедшие стали складывать и всю ношу. Погрузка производилась просто. Штук двести—двести пятьдесят скелетней, наполненных ягодами, накладывали на воз как дрова, только их при этом пересыпали свежей на ошейной травой, а потом уезывали веревками. И еще задолго до темноты один за другим три воза, высоко нагруженные ягодами, медленно тронулись по направлению к тракту. По всему табору зажгли костры. Гигантскими голубовато-белыми мохнатыми гусеницами, извиваясь, вползал вверх по толстым столам дым. А поднимаясь громадными бабочками, беспокойно трепыхающимися прозрачными желтоватыми крыльями, приплясывали огни.

Мухартов лежал недалеко от костра перед землянкой, к которой его привела женщина с грушеобразным лицом, и слушался в негромкую уверенную речь ее мужа, сухонького старичка с клинообразной

белой бородкой. Сооружая скелетней из свежеснятой коры, ровным голосом, гармонизировавшим с шипением котелка и пофыркиванием костра, он рассказывал о приключениях ягодников. Тут же вокруг костра расположилась его многочисленная семья и сгрудились ягодники его артели из других землянок. От других костров доносился смех, говор, вскрики. Здесь же все безмолвно слушали. Старик из года в год уже в течение сорока лет выезжал за ягодами в тайгу и имел что рассказать.

— Максимыч!—обратился к старику один из слушателей,—ты в этих местах ягодничал не раз, расскажи, что случается на бурятском мольбище. Почему сто так бояться?

Максимыч нахмурился, сердито пожевал губами, отчего белый клиншек под подбородком закачался, точно выходя, во что ему конзиться, потом заворчал:

— Еще как случалось то. Да чего рассказывать! Место нечистое—значит хорошего мало. Пронасть там можно ни за грош. И днем, если случится кто близко попадет, идет, озирается. Нечисть на всякие голоса перекликается. А к ночи и поминать его не надо.

И больше ничего о мольбище он не стал говорить.

Мухартова заинтересовали рассказы Максимыча, а еще больше—веселый табор ягодников. Места кругом к тому же были хорошие. Поэтому он принял предложение Максимыча и его грушевидной жены—остаться в их землянке.

Мухартов очень быстро перезнакомился с большинством ягодников, завел себе среди них много друзей, и уже к концу торго дня казалось, что он живет здесь давно.

Табор состоял из нескольких артелей, каждая из которых имела на примете свои ягодные места. Рано утром ягодники разбрелись небольшими группами в разные стороны. Каждый захватывал с собой корзины для сбора ягод. Наполненные корзины всей артели сносились на сборный пункт, где ягоды пересыпались в скелетней, изготовлявшиеся в течение дня пожилыми членами артели. Часа к шести вечера по всем тропинкам, сходящимся к табору, тянулись ягодники.

Мухартов, бродя с ружьем по лесу, быстро освоился с местностью. И сразу вышло так, что, занимаясь охотой, он стал не только охраной сборщиков ягод, но и главным ягодным следопытом для всего табора. По различным признакам он по-

стоянно набредал на новые ягодные места. А по вечерам сообщал в лагере о своих находках. Утром уходил с какой-нибудь группой, а вечером ее к одному из найденных накануне мест.

В конце первой же недели своего пребывания у ягодников Мухартов благодаря одному обстоятельству невольно заинтересовался бурятским мольбищем, о котором рассказывал старик.

Однажды Мухартов, как всегда, отправился бродить по лесу. Через несколько часов он вышел к речке и двинулся вдоль берега вниз по течению, рассчитывая найти загод где водится птица. Птиц он не нашел, да и забыл про них, но речке ему так понравилась и сплошные ковры голубики, черники, земляники, обширные малинники так часто следовали один за другим, что незаметно для себя ушел в это направление дальше, чем предполагал. Он перешел на другую сторону реки по сосне, сваленной бурей. Направившись другим берегом дальше вниз по течению, он вскопился в место слияния этой левой речки с другой. Небольшой треугольный участок, который они ограничили, производил впечатление мрачной ловушки, спрятанной в другом месте лесу. Это был каменный клин, зажатый между двумя реками, в которые он обрывался на приступными отвесами берегов. Основание треугольника было почти целиком загорожено: там поднимался каменный столб около трехсот метров вышины, похожий на гигантскую сахарную голову. Этот столб оставался с обеих сторон впадения рек два очень узких прохода. Представление о ловушке усиливалось благодаря сплошным высоким стенам леса, окружающим мыс. У массивного основания столба проткнулся довольно правильный кукурузный размером небольшой трехэтажный дом, перед которым каменная площадка была совершенно ровной.

Подойдя к самому подножию столба, Мухартов заметил тропинку, лестницу, местами подымавшуюся по естественным уступам, местами высеченную в скале большими и ровными ступенями. Он стал по ней взбираться. Довольно крутая, но тем не менее удобная для восхождения, она спирально обвивалась вокруг столба.

Меньше чем через полчаса Мухартов был уже наверху. Здесь оказалась довольно ровная, слабо поднятая площадка, на которой могло собраться человек сорок, а на с-

на краю верхнего ее конца поднялся метра на четыре отвесно вверх сторожегой вышкой почти цилиндрический выступ. На передней и одной из боковых его стенок Мухартов рассмотрел какие-то полукруглые знаки, которые были поперечны на высеченные в скале надписи, но могли быть и естественно происхождения. У другой боковой стенки на вышку бели—тоже поперечны—грубые ступени.

Мухартов поднялся на самую вершину столба. Здесь площадка была ровнее и сплошь поросла мхом. Под ним расстилались во все стороны необозримые пространства, все скалки, выпуклости и плоскости которых зеленели шегелящейся под ветром, непрерывно меняющей окраску щетиной бесконечных лесов. Вокруг зелени то-и-дело выдвигались острые обнаженные скалистые хребты. Когда по небу проходила туча, зеленая щетина проползала резко черенная тень.

Мухартов провёл наверху больше двух часов. Только когда стала блуждать расточительно щедрая кроваво-золотая роспись заката на скалистых горах, он спустился с каменной вышки и двинулся в обратный путь. В таборе он про столб этого не сказал.

После своего открытия Мухартов стал похаживать к столбу каждый день и просиживал там часами, любуясь широким кругозором и отдаваясь своим мыслям. Там он задумал два изобретения: водоподъемник, автоматически непрерывно нагнетающий воду из речки на большую высоту¹⁾, и прибор, с помощью которого достигалось саморегулирование центрального отопления домов в зависимости от температуры наружного воздуха²⁾.

* * *

Однажды вечером за костром Мухартов не удержался и рассказал, какое хорошее место обнаружил. Это сообщение произвело странное действие на слушателей. Все пришло в ужас. Молодежь слушала с жадным любопытством, как страшную сказку, старики насупились и почему-то поверили, что Мухартов забился на самую вершину столба. Максимыч даже рассердился:

— И на себя, и на нас беду надешь, если будешь по нечистым местам шататься!

¹⁾ Запатентовано в 1924 г.

²⁾ Последнее изобретение является дополнением к его «котлу без кочегаров» («Мертвая вода и живой котел», № 9 «Вокруг Света»).

Старики пояснили Мухартову, что это и есть заброшенное мольбище бурят, о чем он, впрочем, и сам уже догадался. Они уверяли, что никто из попавших туда после заката солнца обратно не возвращался, и считали лишь спорным, можно ли вернуться оттуда даже после дневного визита. Этим объяснялось их недоверие к рассказу Мухартова. Илья Федорович решил, однако, что обязательно как-нибудь проведет ночь на столбе.

Вскоре переполошили лагерь одно за другим три происшествия, в которых многие винили Мухартова, хотя в действительности лишь последний переполох был невольно вызван им, да и то этот случай послужил уже финалом, разрядившим общее напряжение.

Началом послужило следующее событие.

Несколькими днями раньше Мухартов направил группы ягодников на обильные заросли земляники в направлении мольбища. У самой дальней из этих групп в лесу отсталла девушка лет пятнадцати. Ее долго безуспешно искали и звали. Артель вернулась без нее, когда стемнело и весь табор успел уже поужинать. Без таких случаев не обходился у ягодников почти ни один сезон. И тут всегда применялся простой, но довольно надежный, издавна принятый способ коллективных поисков. Иногда такие поиски продолжались всю короткую ночь: ведь заблудившемуся безоружному ягоднику угрожали всякие таежные опасности.

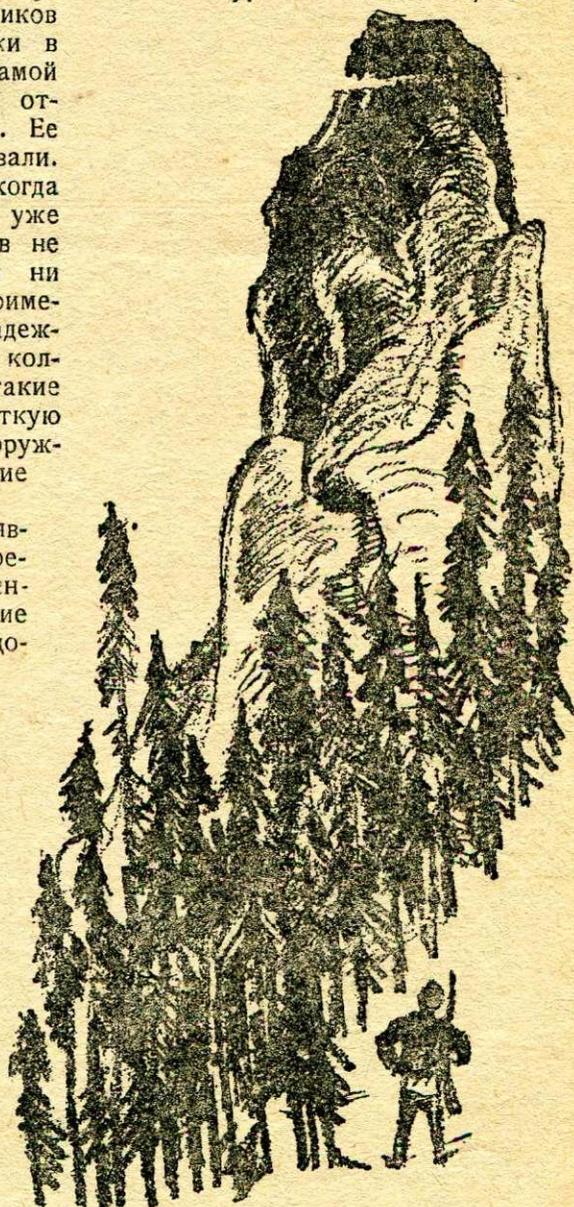
Вместе с известием о потерявшейся девушке из уст в уста передавалось упоминание о заброшенном мольбище. При этом многие присоединяли несколько недобрительных слов по адресу Мухартова: «искушал, мол, «нечистую силу» и привел артель к «проклятому» месту.

Песни и смех у костров смолкли. В привязанную к суку доску деревянной колотушкой простукали сбор, а через несколько минут из табора по таежным тропам двинулись на поиски около тридцати человек. Эта спасательная экспедиция имела очень своеобразное снаряжение, заранее заготовленное для таких случаев. Оно состояло из световых и шумовых средств. Первыми в виде факелов, состоявших из длинных палок с намотанной на конце бересты, каждый участ-

ник экспедиции был снабжен в достаточном количестве. Вторые были представлены несколькими сухими зонками со сновыми досками, в которые ударяли увесистыми колотушками.

Звонкая дробь колотушек, зычные крики, ауканье, пронзительный визг, свист, рев на фоне все усиливающегося гула эхо, мельканье длинных хвостистых огней берестяных факелов, тащивших за собой извивающуюся копать, точно ключья разорванной темноты, и разбрызгивавших кругом по бугым стволам мозаику отблесков—все это врезалось в черную тишину таежной ночи, как неумолимое движение нарастающего стихийного бедствия. Испуганно хлопали вверх крылья, впереди трещал валежник от убегающего зверя.

Уже на рассвете, когда спасательная экспедиция подошла совсем близко к бурятской молельне, кто-

У слияния двух лесных рек из чащи леса подымался каменный столб высотой около трехсот метров...

то крикнул, что Анька отозвалась. Через минуту показалась и сама девушка. Она рассказала, что незаметно потеряла своих и куда ни ходила, все возвращалась к одному и тому же месту недалеко от реки. Когда она кричала, ей казалось, что со всех сторон отвечают, между тем, когда она шла на голос, никого найти ей не удавалось, и голоса неизменно приводили ее все туда же. Чтобы зря не плутать, она залезла на наклонно стоявшее дерево, привязала себя к стволу двумя платками и решила заночевать. Из рассказов ее установили, что она расположилась почти против самого входа в заброшенное бурятское мольбище.

* * *

Другое событие произошло через три дня. Оно сопровождалось такими необъяснимыми и нелепо озорными подробностями, что многие из молодежи, раньше скептически относившиеся к рассказам стариков о бурятском мольбище, после этого склонны были принять их толкование.

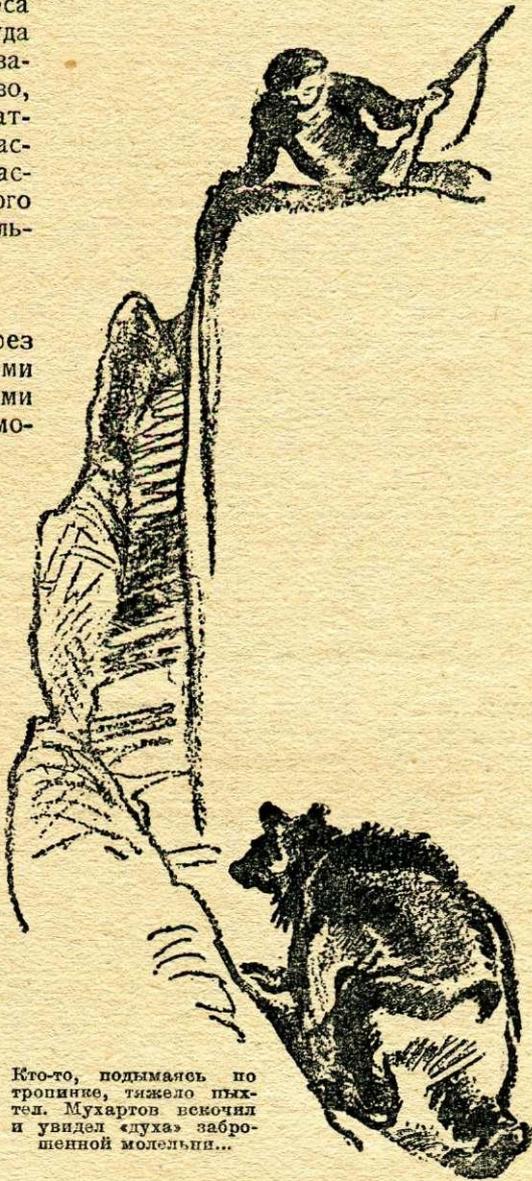
Веселая бойкая девушка, краснощекая Феклуша, почти на самом берегу речки, на полкилометра выше моельни, задолго до конца дня набрала столько ягод, что усомнилась, донесет ли она все до лагеря. Припрятав в кустах свои плетушки с земляничкой и голубикой, она побежала на сборную полянку, где две женщины заготавливали сколотни. Феклуша набрала их полтора десятка и со смехом заявила, что может быть ей придется притти еще за пятком.

Быстро наполнив сколотни, она огляделась, где бы их связать, чтобы удобнее было поднимать все одной вязанкой на спину. Вспомнив о камнях, нагроможденных в одном месте на самом берегу, она сбегала туда, выбрала камень поровнее, аккуратно разложила на нем веревки, постелила на них старенький платок, набросала на него мягкого мха и затем в несколько приемов стала переносить с полянки и укладывать на камень сколотни. Когда Феклуша пришла в третий раз, она в недоумении остановилась.

— Помнится, я принесла два раза по три штуки... Или запомнотвала?... — смущенно прошептала она.

Белые чурки сколотней лежали на темном камне так же ровненько, как она их сложила, только имелось налицо всего четыре штуки.

Феклуша была храбрая девушка, но тут ее охватил страх. Дрожащими руками она положила сверху только что принесенные еще три сколотня и бегом отправилась за следующей партией. Когда она минут через пять вернулась и посмотрела из-за куста на камень, то взвизгнула и, забыв о ягодах, изо всех сил пу-

Кто-то, поднимаясь по тропинке, тяжело пыхтел. Мухартов всечасно и увидел «духа» заброшенной моельни...

стилась наутек. Сколотни были раскиданы, веревка спутана.

Феклуша сама не замечала, что она с перенугу не переставая кричала диким голосом, пока не добежала до сборной полянки. Скоро туда собралась вся встревоженная артель. Выслушав Феклушу, все скопом двинулись на место — посмотреть, в чем дело.

— Просто сколотни скатились, а у ней глупой и душа в пятки ушла, — сказал кто-то.

Но после коллективного осмотра страх напал на всю артель. Всего из взятых Феклушей пятнадцати

сколотней нашлось лишь десять, а из них на камне четыре. Следов пропавших пяти сколотней и вообще никаких следов не осталось. Только в лагере по этому поводу было, конечно, много. Мухартов видел, что разговоры неизбежно сводятся к ринаниям по его адресу.

На следующее утро он набрал трех парней, согласившихся более детально осмотреть место происшествия. Вышли очень рано, несмотря на дождь. Эта комиссия обнаружила совсем несообразные вещи. Прежде всего на камне из оставленных на кануне сколотней убыло еще два. Когда прошли метров триста в сторону каменистого берега и остановились около большого, поваленного черной речку дерева, все невольно устремили глаза на столб, подымавшийся на том берегу.

— Смотрите! Флаг около вершины! — крикнул кто-то.

Действительно, десятка на два метров ниже вершины, на ровном месте отвесной скалы непостижимым образом был прицеплен желтокоричневый флаг.

— Чей же это? Уж не разбойники ли? — громким шопотом сказал веснучатый парень, стоявший рядом с Мухартовым. В это время другой заметил что-то светлое в верхних ветках сосны, стоявшей на берегу как раз против столба. Подойдя на несколько шагов ближе, Мухартов рассмотрел, что там висел помятый и разорванный сколотень. По возвращении комиссии в лагерь фантастическая версия о разбойничьей шайке, польстившейся на несколько сколотней ягод, была сразу же разбита Феклушей, которая запальчиво заявила, что только мужчины могли додуматься до такой глупости и ни одна девчонка не прыгнула бы за флаг ее, Феклушин, старенький платок. Все находились в полном недоумении.

Максимиш тут же сказал Мухартову, что считает его слишком беспокойным и опасным человеком, потому просит оставить в покое хоть его артель и уйти из его землянки. Жена Максимиша, которая очень благоволила к Мухартову, сморщив лицо в ласковой улыбке отчего оно еще больше стало похоже на сушеную грушу, сказала:

— Ты, сынок, не обижайся на него. Совсем старик сдурел. А ты к молодым иди, они рады будут. Чего тебе со стариками-ворчунами делать.

Группа молодежи из другой артели все время поддерживавшая Мухартова, пригласила его перейти к ним.

и уверяли, что теперь их артель будет набирать больше всех ягод. И кто-то перетащил его сумку земляники Максимыча. Илья Федорович с улыбкой подтвердил, что будет лучшие места указывать им, потом, ничего не сказав, вскинул ружье на плечо и отправился на звезду. Когда он вышел уже из сбора, его догнала жена Максимыча и, сунув ему в руку небольшую корзиночку, сказала:

— Захвати. Ты, сердечный, и передать-то забыл.

Илья Федорович весело поблагодарил ее и пошел дальше. Трава уже успела высохнуть. Воздух после жидка был особенно ароматен. Мухартов шагал все быстрее.

Перейдя по дереву на другой берег, он сразу наткнулся на расплюснутый сколотень с раздавленными превращенными в жидкий кисель ягодами. Осмотрев его, Мухартов сделал следующее. Сперва тщательно натер и густо облепил ягоды свои подошвы, потом пошел к стовбу. Подымаясь по неровнотупчатой спиральной тропинке, он заметил рассыпанные кое-где ягоды. Сверху, на первой площадке лежал сколотень полный сколотень. В одном месте он был разорван, и немного ягод высыпалось. Кругом валялась вялая земляника, очевидно из других сколотней, сброшенных таинственным вром вниз.

Мухартов перелез сколотень так, чтобы он наполовину свешивался над тропинкой, потом забрался на верхнюю площадку. Здесь он позавтракал, потом собрал несколько камней и улегся около них на мху. Он приготовился пробыть здесь долго, решив раз навсегда покончить с вопросом о «нечистой силе» бурятского мольбища.

* * *

Когда стемнело, новые товарищи Мухартова по палатке заволновались и решили организовать поиски. Удалось собрать двадцать человек. Направившись в сторону мольбища, они подняли неистовый гам и буйную пляску факелов. Их чрезмерное усердие объяснялось главным образом тем, что они в первую очередь старались подбодрить самих себя. Когда оставалось около километра до мольбища, в одно из окошек полуминутной тишины (время от времени они замолкали, чтобы дать возможность тому, кого ищут, откликнуться) ворвался звук выстрела. Минут через пятнадцать вышли к берегу речки. Оттуда был виден весь столб снизу доверху. Теперь, по

контрасту с освещенным кругом внизу пространством, столб казался еще более высоким и мрачным. На его верхушке, на фоне побледневшего неба четко вырисовывался силуэт Мухартова с ружьем в руках. Он еще раз выстрелил, потом крикнул:

— Сейчас сойду.

Конечно тут же на месте ему пришлось рассказать, как его приняли в своем логове «духи» заброшенного мольбища.

После того как он пролежал в засаде часа два, его стало клонить ко сну. Когда глаза уже стали совсем слипаться, до него донесся звук, который сразу прогнал дремоту. Кто-то, подымаясь по тропинке, тяжело пыхтел. Мухартов вскочил, невольно скинул ружье к плечу. Под собой, несколько ниже края большой площадки он увидел «духа» заброшенной молельни, стоявшего на тропинке. Мухартов сразу же раздумал стрелять. «Дух» не выражал враждебных намерений, хотя, видимо, был недоволен. В нерешительности он пыхтел, поводил пле-

чами, поскреб лапой брюхо, покрытое густой шерстью.

Быстро нагнувшись, Мухартов схватил камень и бросил в сколотень, который, оставляя за собой красный хвост ягод, покатился вниз, прямо на мохнатого лешего. Тот борча повернулся и со всей доступной ему при спуске скоростью стал сбегать вниз. Мухартов не стал выяснять—убежал ли «дух» от сколотня или стагался его догнать, и остался наверху, чтобы провести там ночь. Вероятно, «дух» догнал все-таки сколотень и ушел с ним. Во всяком случае Мухартов, спускаясь вниз, не заметил ни того, ни другого.

— Зачем же лешему ягоды?—недоумевая спросил веснучатый парень.

— Да потому, дорогой, что этот самый проказник-леший, который, и Феклушу ограбил, был не кто иной, как сам Михайло Топтыгин.

— Ну,—сказал веснучатый парень, обиженно оглядываясь на засмеявшихся товарищей,—Максимыч все равно скажет, что это не медведь, а оборотень...

БЕШЕНАЯ АЗАЛИЯ

Рассказ Я. Сорнева

Рисунки худ. А. Швар

Город Новоград-Вольнск расположен в двадцати километрах от польской границы. На возвышенном берегу реки Случ раскинулся он, по макушку утопая в зелени садов; две церковки, окруженные старыми липами, смотрят подслеповатыми глазами в воды реки, точно старушки, доживающие последние годы своей жизни.

Давно построен этот город.

На крутом обрыве виднеются развалины турецкой крепости, а позади нее еще недавно возвышалось четырехугольное здание с башнями и внутренним двором. Это—среднезекская ратуша. Она сгорела во время гражданской войны.

Много тысяч людей в течение веков шли по старому «тракту» туда, на запад, в Польшу. Не мало шло и оттуда.

Случайно или по стратегическим соображениям здесь, у серебряной ленте Случа, много раз происходили жесточайшие битвы. Мечи Востока и Запада не раз скрещивались в смертельной схватке, воды Случа окрашивались кровью бойцов, и не одна сотня в железо закованных рыцарей находила место упокоения на дне реки.

Рубились турки с казаками, казаки с поляками, и конца войны не было видно. «Геть, ляше, по Случ наше!»—в неистовстве кричали закопченные в пороховом дыму казаки и гнали панов на Корец, за Случ. Но поляки наступали опять и опять—и так долгие годы.

В последний раз яростный бой, длившийся четыре дня и четыре ночи, происходил в 1920 году. Поляки делали отчаянные усилия, чтобы сдержать натиск Красной армии. Над Случем и городом, как голодные львы, ревели орудия; рвалась шрапнель, пока зажигательный снаряд не попал в какое-то деревянное строение. Вспыхнул пожар, и огневой ураган бешено понесся по городу, уничтожая все на пути, под непрерывный хохот пулеметов и грохот скорострельных пушек. Через полчаса большей части города не стало: обезумевшие жители лишились крова и хлеба.

— Геть, ляше, по Случ наше!..

Паны бежали. Затихло все...

Только холмы и бугры, поросшие травой, напоминают об ужасах пережитого. Красный город залечивает свои раны. Долго еще не оправится он: раны слишком глубоки.

* * *

Проведя короткую летнюю ночь в грязной комнате заезжего двора, наутро я покинул исторический городок, держа путь на север, к Полесью, которое так бесподобно описано у Короленко в его рассказе «Лес шумит».

Скрипучий возок, запряженный парой волов, медленно движется по песчаной дороге. Над равниной там и сям возвышаются вековые сосны. Солнце нестерпимо поджаривает голову, спину и грудь; мельчайший песок осаждается в носу, во рту и в горле; трудно дышать, в ушах звенит...

Старый Игнат лениво потягивает трубку, непрерывно плюет в сторону.

Редко попадаются жилища: почти все одиночные хутора вдали от дороги. Встречаются постройки и у самой дороги, только не жилые, а заколоченные, полуразрушенные, в иных местах обгорелые.

— Почему дома здесь разрушены? — спрашиваю Игната.

Он отвечает невозмутимо:

— Орлик.

Я вздрогнул, потому что вспомнил беседу в вагоне с одним спутником. Жуткие вещи рассказывал он об атамане Орлике.

В 1918 году, в один из моментов полного беззастыжия, банда Орлика, пьяная от крови, продвигалась из Емельчина в Новоград-Вольнск, вырезывая по дороге поголовно все еврейское население. Кто во-время не убежал, тот погиб ужасной смертью, а имущество его было разграблено...

Леса, то редкие, то густые, тянулись по обе стороны дороги. Казалось — нет края этой зеленой полосе.

Внезапно справа полоса лесов прорвалась, и передо мной раскрылась необычайная картина. Огромное поле в несколько квадратных километров, окаймленное зеленью лесов, горело ярким огненно-оранжевым цветом. Казалось, что горит земля, зажженная пламенем солнца в этот знойный день, и было непонятно, почему не видно дыма.

— Что это такое? — воскликнул я в волнении.

Игнат медленно сплюнул и ответил:

— Драпоштан...

Я ничего не понял, но, зная украинский язык, стал соображать. «Драпать» — значит цапать, рвать; «штан» — очевидно, производное от слова штаны. Значит, так называется то, что рвет штаны.

Мы свернули вправо и подъехали ближе. Перед нами расстилось море ярко желтых цветов. Цветы эти, шире и длиннее ладони взросло о человека, распадались на несколько лепестков. Они покрывали ветки густого кустарника. Длинные ветви, тесно переплетаясь между собой, составляли такую непроходимую чащу, что можно было изорвать не только штаны, но и всю одежду.

Я соскочил с повозки, подбежал к кусту, сломал ветку и потянул цветок к носу.

Но Игнат во-время остановил меня: — Будет голова болеть. Скот когда пасется здесь, то возвращается с дурной головой.

Я все же уловил острый сладкий запах драпоштана, и мне почудилось, что какая-то ядовитая пыль уже осела у меня на языке.

— Хорошее это средство от коросты, мы им лечим лошадей, — прибавил Игнат. — А если натереть животное очень крепко, то непременно взбесится: очень свербит.

Я стал ломать ветки с цветами и бросать в повозку: надо же захватить с собой это необыкновенное растение.

Солнце грело немилосердно, душный запах цветка давал себя знать, вызывая легкую тошноту. Было решено не ехать по знойной дороге, а, обогнув опушку, пробираться на узкую лесную дорожку, которая хотя значительно удлиняет путь, но зато не так утомительна. Я бросил прощальный взгляд на необыкновенное поле, и мы въехали в лес, где было тихо и дремотно.

Узенькая дорога пробиралась среди такой глухой чащи, что казалось мы едем в каком-то заколдованном царстве, где и маленькое растеньице и столетнее дерево живут своей загадочной жизнью; весь лес наполнен живыми существами: они притаились под каждым листком и пнем. Я не удивился бы, если бы какой-нибудь краснокожий мухомор, ковыляя на одной ноге, вдруг перешел бы нам дорогу...

Мне пришло в голову, что человек, надолго попавший в эти дебри, должен приспособиться к окружающей обстановке и сделаться похожим на «лешего».

И вдруг такой человек, вынырнув из чащи, одним прыжком выскочил на дорогу.

Волы остановились.

На нем была зеленая куртка такого же цвета брюки, а на ногах зеленые чулки до колен. На голове — зеленая тирольская шляпа с пером, а за спиной ружье. Лицо было бритое, и клинышек бородаки упрямо торчал, как у Мефистофеля; брови сходились у переносицы; роста был маленького.

Человек вежливо приподнял шляпу и скороговоркой сказал:

— Добрый день. Боюсь, что вы заблудитесь в этом лесу, а я, как лесник, мог бы вам помочь.

— Садитесь, поедemте вместе, — сказала я, — а кстати вы быть можете рассказать, откуда взялось здесь это редкое растение — драпоштан?

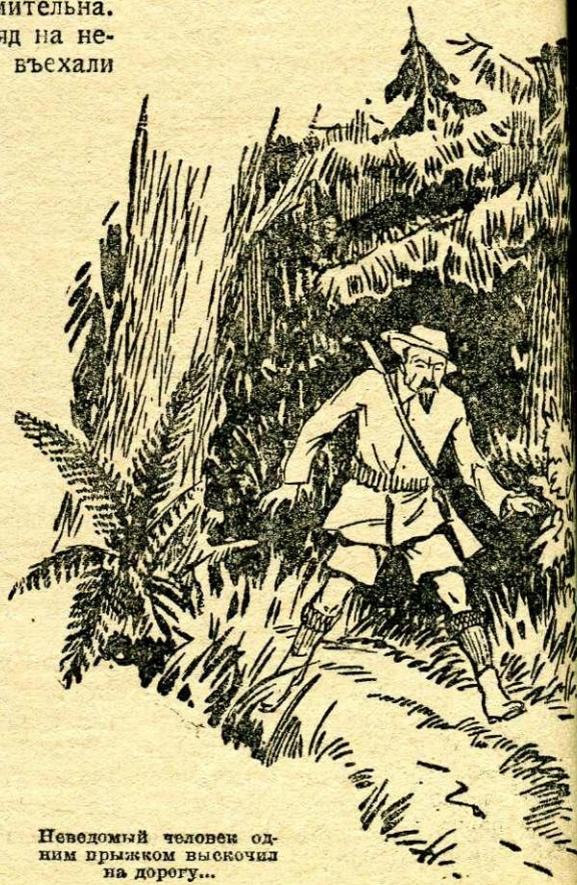
Лесник с ловкостью акробата вскарабкался в повозку и начал свой рассказ, сильно акцентируя, как все поляны.

— Покойный Бонч-Броневский был очень ученый человек. Знать досконально природу — это была его главной презумпция¹⁾.

Последнее слово лесник произнес с особым вкусом: очевидно, оно ему нравилось даже в том сочетании, где оно было совершенно излишним.

— Старый Бонч, — продолжал он, — был всесторонне образованный лесничий. Он долго трудился над тем, чтобы пересадить этот кустарник

¹⁾ Презумпция — предположение, допущение.

Неизвестный человек одним прыжком выскочил на дорогу...

свой сад. Но все его усилия были тщетны. Кустарник буйно растет на площади не более ста квадратных километров к северу от Новограда, но далее определенной черты не распространяется. На запад он доходит до польской границы, на восток — в район Коростеня. Если за черту своей оседлости он выйти не может, то в пределах ее он является настоящим стихийным бедствием. Прорастая глубоко в землю, распространяясь очень быстро густой чашей гибких ветвей, драпоштан ежегодно ведет безудержное наступление на крестьянские хозяйства, покрывая голя и огороды. Немцы-колонисты и крестьяне-попелуки изо всех сил борются с этим врагом, но, выкорчевав его в одном месте, они вынуждены отбивать штурм в другом, где он внезапно появляется. Ох, трудно с ним бороться!

Лесник поднял шляпу и обнажил совершенно голый череп. Потом вынул из кармана платок и стал медленно стирать пот с головы.

Только теперь я заметил, что высохший как м. мия магенький человечек прожил уже немалую жизнь. От глаз его по направлению к вискам тянулись мелкие тонкие бороздки, а в черных глазах отражалось утомление пережитых лет. Словно догадываясь о моих мыслях, лесник начал внятно:

— Да, у покойного лесничего я прожил тридцать лет — время не малое. Я видел, как из года в год его личное хозяйство таяло и разорялось, а он ничего не видел кроме природы. Когда я настойчиво напоминал ему, что первого июня наступает срок платежа процентов по долговым обязательствам, что к этому сроку надо послать отчет в лесное управление, старый лесничий ворчал, и на лице его разливалась серая скука: он старался как можно поскорее закончить разговор. Когда же в начале июня ему напоминали, что азалия понтика, которую крестьяне называют драпоштаном, находится в полном цвету, он приказывал закладывать лошадей, усаживал в бричку своих гостей и приезжал сюда любоваться этим замечательным зрелищем. Возбужденный, с блестящими глазами, он молодил на два десятка лет и рассказывал об этом цветке — да и о других чудесах природы — много прекрасных историй. Как в драгоценном альбоме фотографии любимых людей, так у лесничего в гербарии были представлены аккуратно и умело прилаженные все разновидности семьи вересковых и особенно много видов

азалий. Тут можно было увидеть характерные в оронкообразные цветки, расположенные одиночками или пучками или зонтиками. А среди них находилась и наша азалия понтика, или бешеная азалия. Ведь подобные нашей азалии цветы находятся только на Кавказе и больше нигде в Европе. Правда, много похожих цветов произрастает в Южной Америке...

Мне показалось очень странным, почему эта замечательная азалия облюбовала себе место только на площади в сто квадратных километров на Воляни. Разве нет, — думалось мне, — мест, более похожих на Кавказ, чем угрюмое, утопающее в соснах и засыпанное песком Полесье? Но собеседник, видимо, привык к сомнениям своих слушателей, потому что тотчас перешел разговор именно на эту тему.

— Я мыслю, — продолжал он, — что первейшая презумпция это не климат, а почва, хотя ученый лесничий не соглашался со мной и утверждал, что почва в его саду по своему составу ничем не отличается от почвы, на которой растет азалия. Но я думаю, что он все-таки ошибался. Я имею свое мнение и хотя не был на Кавказе, но уверен, что в тех местах Кавказа, где растет азалия, она имеет под собой такую же почву, как и у нас. Впрочем, покойный лесничий как будто и не отрицал этого, когда мы строили догадки о том, каким образом этот цветок, растущий в изобилии на большом пространстве на Кавказе, попал сюда и образовал незначительное желтое пятнышко на Воляни.

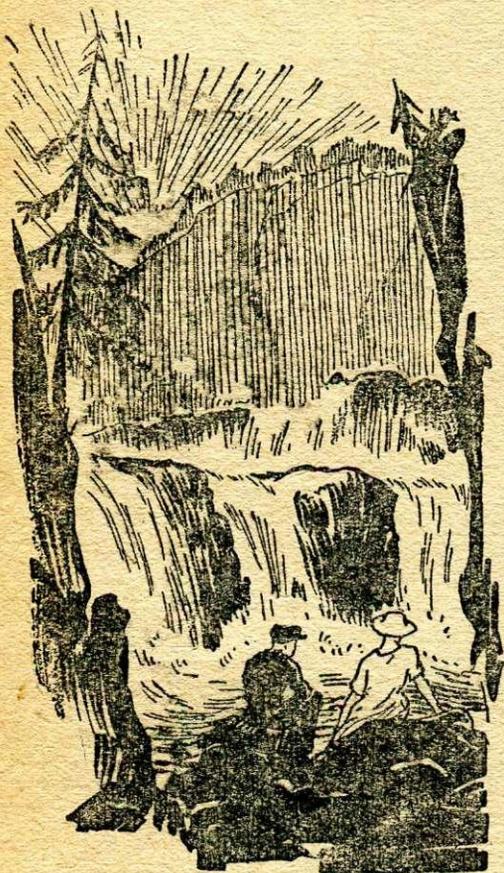
После паузы лесник продолжал, словно в порыве вдохновения:

...Некогда, в пятом веке, через южно-русские степи проходил грозный завоеватель Атилга со своей ордой и тысячами повозок...

— Дорогой пан! Прежде всего разрешите вам дать маленькую историческую справку. Покойный лесничий любил не только природу, но и историю. Вот что он мне рассказывал. Давно, очень давно, кажется, более двух тысяч лет назад, десять тысяч греков пошли войной против персидского деспота под предводительством Ксенофонта. Этот-то Ксенофонт, оставивший описание греко-персидской войны, рассказывает, что однажды во время пребывания на Кавказе его солдаты покушали хлеба с медом и тут же умерли. Оказывается, этот мед был собран пчелами именно с цветков азалии понтика и содержал сильнейший наркотический яд. Страшный этот цветок. Если вы поставите букет азалии у изголовья и заснете, то еще вопрос, проснетесь ли вы, а если проснетесь, то вас охватит одурь...

Я невольно посмотрел на коварный цветок, лежавший у моих ног: листья его заметно потускнели, исчезла пламенность окраски, и вид-

Мы сидели на дне ущелья, между двумя крутыми скалистыми берегами...

но было, что он скоро увянет и умрет.

— Но возвратимся к вашему рассказу, — сказал я. — Как все-таки вы объясняете появление этой бесшумной азалии здесь, на Воляни?

— У нас имеются две гипотезы, — сказал лесник, делая ударение на предпоследнем слове. — Моя гипотеза состоит в том, что семена этого цветка принесли сюда птицы. Вы ведь знаете, что птицы переносят семена на далекие расстояния, держа их в орту. Так вот, неведомая птица уронила семя, случайно упавшее на такую почву, которая имеет в своем составе все нужное для произрастания азалии. Пан лесничий был другого мнения. Он опять-таки давал историческую справку. Гипотеза его была такова. Некогда, в пятом веке нашей эры, через южно-русские степи проходил грозный завоеватель Аттила со своей ордой и тысячами повозок, которые ехали с самого Кавказа. Так вот, в этих повозках в качестве подстилки находилось сено. Среди него были ветви азалии, семена которой, осыпавшись во время пути через Волянь на запад, проросли...

— Ага! Опять случай, — возразил я. — Не кажется ли вам, что в ваших объяснениях слишком много

случайностей, которые делают гипотезу маловероятной?

— Как хотите, дорогой пан, — ответил лесник. — Я не настаиваю, не настаивал и покойный лесничий, только думаю, что случай занимает не последнее место в жизни человека. Вот и насчет азалии: быть может вы о ней скоро позабыли бы, а теперь, когда узнали о ней по-подробнее, благодаря случайной встрече со мной, о ней наверное узнают и другие. Ведь кроме меня и местных крестьян никто о ней не знает.

С этими словами лесник вдруг соскочил с повозки.

— Счастливого пути, приезжайте еще, — сказал он, приподняв шляпу, и скрылся среди густого кустарника так же внезапно, как и появился...

Мне стало досадно, что так нелепо прервался наш разговор, и я попросил Игната остановить волов. Но кругом ничего не было слышно, и лишь где-то вдалеке кукушка отбивала свое бесконечное «ку-ку». Вскоре нас обогнали коровы с бубенцами, возвращавшиеся домой на заходе солнца; пахло парным молоком, лаяли собаки, и все напоминало о близком жилье...

* * *

Лет через пять мне довелось побывать на станции Коростень. Я сидел там в ожидании поезда, идущего на Киев. Была прекрасная июньская ночь, одна из тех украинских ночей, когда черный небесный бархат с мириадами звезд низко растягивается над теплой землей. Аромат цветов и свежей зелени доносился до самых окон, а в станционном помещении было дымно, душно, грязно.

До поезда оставалось еще три часа, и утомленные пассажиры спали, склонившись друг на друга, положив руки и голову на стол. Потные лица мужчин были обезображены гримасой сна, женщины ежеминутно просыпались, боясь пропустить поезд.

Вдруг вошла молодая девушка и потребовала в буфете стакан чаю. На ней была широкополая белая кавказская шляпа, а через плечо на ремешке висела сумка. В руках она держала большой букет желтых цветов.

Я тотчас признал азалию понтику и недолго думая завел с девушкой разговор об этом цветке. Девушка оказалась студенткой Московского университета, приехавшей сюда, чтобы познакомиться с флорой этого края. Ее черные глаза горели радостью молодости, и видно было, что она охвачена очарованием природы.

Она долго и много рассказывала мне о чрезвычайно редких видах здешних растений, ставила в связь сохранение этих видов с ледниковым периодом, льды которого покрывали лишь часть Полесья, остальная же была свободна от них.

Студентка хорошо изучила азалию и вместе с тем с большой осторожностью относилась ко всякого рода выводам. Я вспомнил, как смело и фантастично излагал мне лесник свои «гипотезы». Ясно было, что уже много лет тому время, когда о бесшумной азалии знали только местные крестьяне да лесник. Юные натуралисты, студенты и студентки, молодые ученые и профессора с большим увлечением ведут краеведческую работу, забираются в глубь лесов, пустынь, степей. Идет огромная плодотворная исследовательская работа, ни в чем не похожая на ту «словесность», которой обучали в старину.

Запах азалии, сладкий и назойливый, стал прорезывать дымовую завесу зала. Мы вышли из душного помещения на перрон. Небо было все такое же темное, и яркие звезды загадочно мигали из бесконечной дали.

— Вы, вероятно, забыли, что мы сейчас находимся в очень интересном историческом уголке, — сказала девушка. — Коростень — это древняя Искорость, которую, как рассказывает летопись, в девятьсот сороковом году киевская княгиня Ольга сожгла в отместку за убийство мужа древлянами. Предки вот этой азалии были свидетелями великого пожара. Хотите, я покажу вам купальню княгини Ольги? — воскликнула она.

Не успел я ответить, как случайная спутница схватила меня за руку и быстро, не давая опомниться, увлекла в темную даль.

Мы бежали, спотыкаясь, почти падая. Она, повидимому, была здесь не в первый раз и отпустила меня только тогда, когда доставила в какое-то заранее намеченное место. Мне показалось, что мы остановились на высокой скале, а внизу шумит и бурлит поток. Но наша остановка продолжалась недолго. Девушка предложила мне осторожно и медленно спускаться по обрыву следом за ней.

Я сползал с камня на камень; только по пряному запаху азалии я угадывал направление, по которому спускалась девушка. Чем ниже мы сползали, тем шум становился громче. Казалось, не один, а несколько потоков падали с высоты и разбивались вдребезги где-то внизу.

Спустившись, мы нащупали плоский, видимо, истертый водой камень.

да возле него протекала так близко, что брызги долетали до самого уха. Кругом стоял такой шум, что с трудом различал слова моей спутницы.

Здесь мы пробыли не менее часа, стоя в очаровании летней ночи в звуках шумового оркестра, игравшего вокруг нас. Потом черная вода стала сереть, светлеть, и в сумраке все вещи начали обретать свой обычный вид.

Тогда я увидел, что мы сидим на дне ущелья между двумя крутыми скалистыми берегами, где шумно и бурно мчится разделившаяся на несколько потоков речка. Эти потоки отвесными водопадами низвергались с высоких каменных террас. В течение веков вода выдолбила в скальных едоемы в роде каменных ванн.

— Это река Уж, — сказала девушка, — а вот там находится курортная Ольга, — и она показала рукой в даль.

— Таких естественных ванн, как вы видите, здесь очень много, и местные жители целые дни купаются в них.

Но вот блеснул первый луч солнца, и в тот же момент зажегся огненный букет азалий в руках девушки. Пользающий среди скал Уж и эта горящая азалия давали полную иллюзию миниатюрного Кавказа.

Мы восхищались природой, вдыхали полной грудью свежий бодрящий воздух, болтали много и весело обо всем, что приходило в голову. Как вдруг где-то неподалеку титану разрезал гудок паровоза. Это был наш поезд.

— Мы опоздаем! — вскрикнула девушка, уронив букет азалий.

Цветы мягко шлепнулись о поверхность воды, потом закружились, сквазили в глубине пенистого водоворота и наконец показались в двух метрах ниже. Через мгновение они совсем исчезли, унесенные быстрым течением.

Мы поспешно двинулись в обратный путь.

Издательство «Земля и Фабрика» в ответ на провокацию китайских империалистов открыло сбор на танк «Советская литература».

По 19 августа от авторов и сотрудников Издательства поступило 1825 руб. Взносы от читателей принимаются по адресу: Москва, Никольская, 10, контора журнала «Всемирный Следопыт».

ПЕЩЕРА ОГНЯ

Рассказ Ал. Аповарского.

Рис. худ. А. Пржедлавского

— Как хочешь, дальше я не пойду. Да и тебе советую вернуться. Собирается гроза, а в дождь оттуда не скоро выберешься.

— Почему?

— Перед входом падает сверху вода, во время дождей ее бывает так много, что нельзя пройти.

Я окинул взглядом горизонт. Восточная часть неба была еще чиста, но слева, из-за морщинистых ребер хребта выползала темная туча. Блеск ледников погас, и белые шапки вершин, кутаясь в когмы облаков, исчезали одна за другой.

— Все-таки я пойду, Ахмет, — сказал я. — Ты можешь возвращаться в аул ¹⁾. Если не вернусь к вечеру, не беспокойся — в крайнем случае заночую в пещере.

Ахмет укоризненно покачал головой:

¹⁾ Аул — горный поселок.

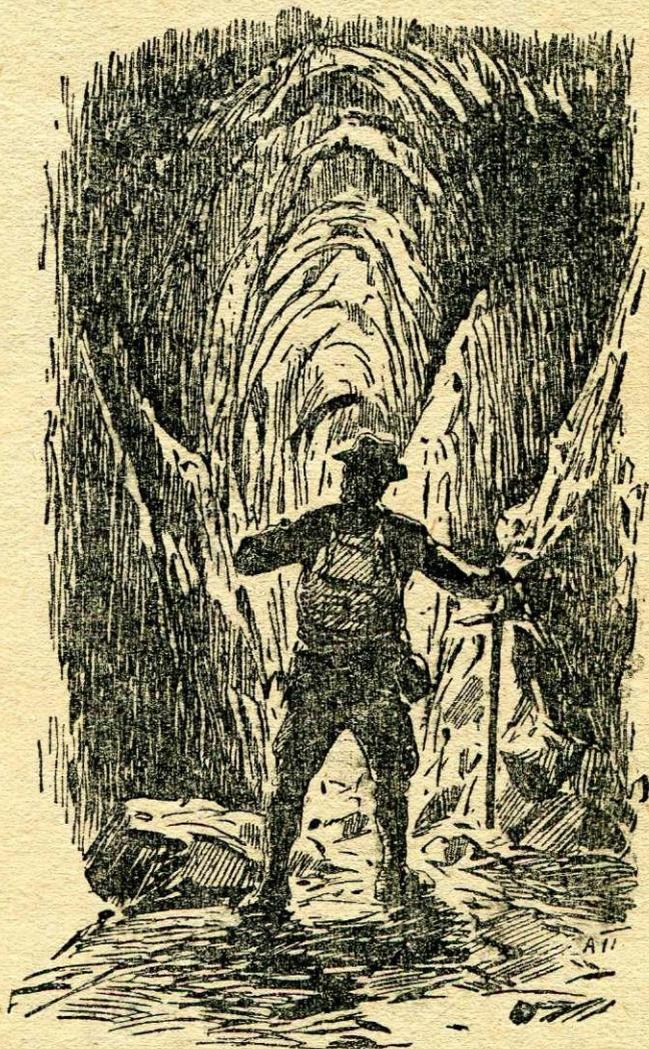

— Иди, если так тебе надо, дело твое. Только помни: в большую воду не ходи — снесет...

В тех местах я был впервые, но Ахмет, хотя и отказался сопровождать меня, не отказался по крайней мере рассказать, как надо идти. Сначала ущельем, а затем подняться к леднику, который был мне уже виден. Издали он походил на огромную белую дорогу, окаймленную темными полосами. Это морены, поток камней и обломков скал, которые несет с заоблачных высот ледяная река. Под ледником, вблизи одной из морен я и найду то, что заставило меня ломать ноги по каменным кручам. Там находилась Пещера Огня.

«С этой горы, — говорит легенда, — один богатырь добыл для людей огонь, который тогда был им не известен. Боги рассердились на богатыря и на вечные времена приковали к горе, заставив орла клевать его внутренности, а огонь спрятали в пещеру, около которой поставили стражу. И вот с тех пор всякий, кто пытается проникнуть в пещеру, наказывается смертью через огонь...»

Легенда в своей основе почти так же стара, как эти горы. Я не раз слышал от горцев те или иные варианты древне-греческого мифа о Прометее. Но что это за пещера, в которой жадные «боги» спрятали свой огонь? Этот огонь — уверяет Ахмет — находится в ней и по настоящее

Впереди навстречу лучам фонарика что-то вопыгнуло ослепит льным светом...

время, но видеть его ни ому нельзя. Как-то два смельчака из ближайшего аула пытались проникнуть в Пещеру Огня, но для одного из них эта попытка окончилась трагически: он был поражен огненной смертью в тот момент, когда хотел войти в пещеру.

— Из пещеры вылетела огненная стрела и убила Муссу. Пещера была залита огнем и блестела как солнце, — рассказывал мне Ахмет.

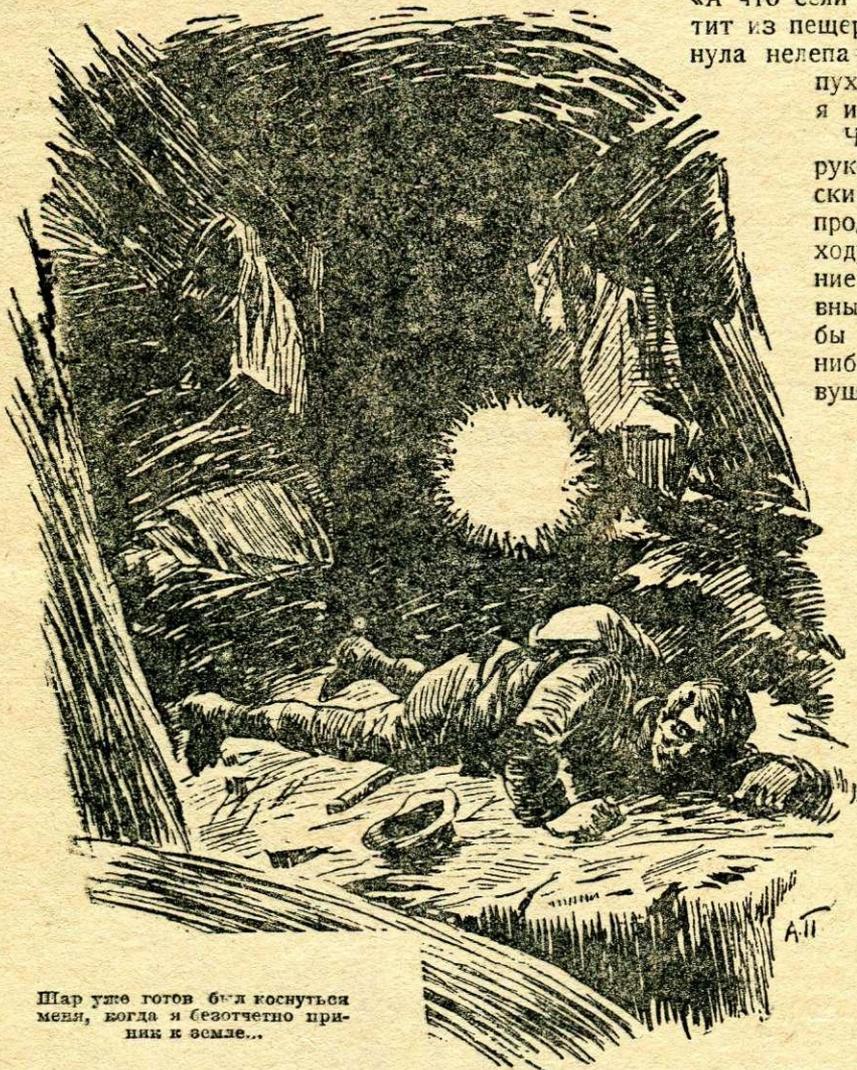
Гроза между тем быстро надвигалась. Туча уже коснулась соседних скал, и солнечный свет исчез, сменившись полумраком. Тяжело прокатился первый громовой удар. Я остановился в нерешительности. Дальше начинался узкий каменистый коридор, круто поднимавшийся кверху. Если ливень застанет меня в нем, я буду снесен потоком, который хлынет с противоположной стороны.

Возвращаться однако мне не хотелось, так как это значило бы отказаться на этот раз побывать в загадочной пещере. После дождя коридор некоторое время будет непроходим. Между тем, судя по рассказам Ахмета, до пещеры уже было недалеко. Правда, добравшись до нее, я окажусь как сы в логушке, пока не спадет дождевая вода, но при мне имелось все необходимое, чтобы пробыть в горах несколько дней. Я двинулся вперед.

Очутившись между каменных стен, я почувствовал себя так, словно попал в древний склеп. Боги выбрали недурное местечко, чтобы подалее от людей спрятать свой огонь! Стены ущелья круто уходили вверх, и не было видно, где они кончались. Местами над головой нависали огромные глыбы, и тогда я невольно ускорял шаги. Сумрачный, едва просивавшийся сверху свет придавал окружающему дикий, фантастический вид, а лавившая вокруг тишина усиливала впечатление нереальности. Глухие раскаты грома, доно-

сившиеся в ущелье, казались рычанием какого-то доисторического чудовища.

Наконец впереди посветлело, и медленно, как бы нехотя, раздвинулись каменные стены. Передо мной открылась глубокая, замкнутая со всех сторон скалами котловина, напоминавшая кратер вулкана; повидимому сюда стекали воды тающего ледника, который сползал в котловину. Однако вода не скоплялась на дне котло-

Шар уже готов был коснуться
мези, когда я безотчетно пры-
гнул к земле...

вины, а уходила куда-то вниз, вероятно пробивая себе путь под скалами. Тающие льды образовали несколько водопадов, и шум одного из них донесся до меня справа. Это очевидно и была та «падающая сверху вода», о которой говорил Ахмет. В скале за водопадом темнело углубление.

Ливни в горах разражаются с удивительной быстротой. Вот упали на меня первые крупные капли. Надо было скорей добраться до пещеры, так как края котловины во время дождя превратятся в сплошные водопады. Я быстро перебрался по скользким камням к темному углуб-

лению. Вслед затем сверху хлынуло такое количество воды, словно вылили дно из гигантской бочки.

Начался ливень.

Я стоял в каменной нише, в глубине которой, как раскрытая беззубая пасть, темнело отверстие. Сделав несколько шагов по направлению к пещере, я в руг остановился. «Из пещеры вылетела огненная стрела и убила Муссу», — словно кто-то произнес у меня над ухом. «А что если такая же стрела вылетит из пещеры и сейчас?» — мелькнула нелепая мысль. «Что за черт пуха!» — тотчас же подумал я и взял себя в руки.

Через минуту, держа в руке зажженный эле трихский фонарик, я осторожно продвигался по извилистому ходу вглубь пещеры. Внимание было сосредоточено главным образом на том, чтобы не попасть в какую-нибудь естественную дыру или в щель в роде провала. Я достаточно имел дело с такими пещерами, и обычно, несмотря на рассказываемые про них легенды, полных ужасов, в них не обнаруживалось ничего интригосного.

Внезапно впереди что-то вспыхнуло, ослепительным светом. На мгновение закрыл глаза. Пожарный можно было бы сказать в рассказе о спрятанном в пещере огне богов. Но этот свет не был похож на тот всепожирающий пламень, который бы похищен с неба целым веком. Это был белый холодный слеск, который иногда приходил-

ся наблюдать в витринах ювелирных магазинов.

Я невольно подумал о драгоценных камнях, вода лучом фонарика по стенам пещеры, — они состоят из различной величины и форм кристаллов. Но эти кристаллы не были ни бриллиантами, ни алмазами. Прикоснувшись рукой к одному из них, я тотчас же ее отдернул, кристалл был холоден как лед. Действительности это и был тот «лед» ¹⁾, о котором знаменитый римский натуралист Плиний писал, что он должен рождаться из

¹⁾ Хрусталь (по-гречески) — лед.

сней влаги и чистейшего снега, — огромный хрусталь.

Игра кристаллов при свете фонарика была изумительна, и временами мне казалось, что я вижу какую-то мерцание. Мне приходилось идти по ковру, выточенный из кристалла (популярного хрустала¹⁾), но тут были кристаллы такой величины, что из них вышел бы в три раза больший²⁾. Пещера действительно будет сиять как солнце, — подумал я, вспомнив рассказ Ахмета. — Но где же тот выход, который поразил Муссу? Может быть в пещере где-нибудь имеются выходы подземного вулканического огня? Однако вокруг не было никаких признаков, которые подтверждали бы это предположение. Пещеру следовало бы назвать не Пещерой Огня, а Пещерой Хрустала.

Переходя от одного кристалла к другому, я очутился у выхода. Передо мной была котловина, из которой я проник в пещеру. Описывая в горной породе неправилную форму, пещера выходила другим своим концом наружу. Так как грозы еще продолжались, я решил вернуться в пещеру. Когда в луче фонарика снова закрились кристаллы, я присел над одним из них, чтобы рассмотреть его поближе. Внезапно на моей спине раздался сухой треск, который заставил меня обернуться...

Конечно было нелепостью думать, что это солнце залетело в пещеру, но таково было мое впечатление в первый момент. Из темных недр пещеры, разбрасывая множество мельчайших искр, по воздуху плыло ко мне правлению ко мне какое-то светящееся тело. Это был огненный шар, и он как две капли воды походил на солнце. Свет, исходящий от этого шара, имел чуть-чуть голубоватый оттенок, и когда коснулся хрустальных стен пещеры, она представлялась в какое-то волшебное видение...

У меня не было страха, но лишь величайшее изумление. Как зачарованный смотрел я на это странное явление и опомнился лишь тогда, когда загадочный шар приблизился ко мне настолько, что я почувствовал жар, который от него исходил. Шар двигался прямо на меня, словно был разумным существом. И вот тогда безумный ужас вспылал в мой мозг. Сорвавшись с места, я обежал...

Мой страх достиг крайнего предела, когда, опрометью выбежав из

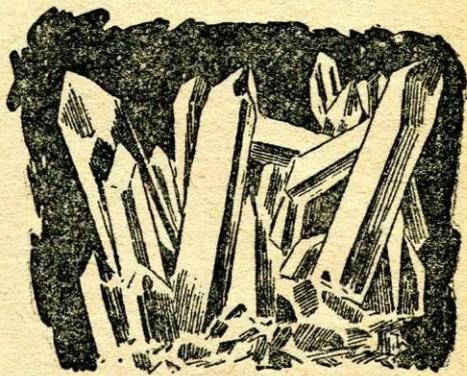
пещеры, я увидел, что дальше бежать было некуда. С одной стороны раскрывалась голубокожухителная пропасть с другой — отвесная стена скалы, а путь по краю котловины был отрезан по оками низвергающейся сверху воды.

«Не пытайся пройти, снесет...» — мелькнуло в голове предостережение Ахмета. А огненное чудовище уже обдавало меня своим горячим дыханием...

В критические минуты, когда рассудок отказывается служить, на помощь человеку приходит простой инстинкт. Шар уже готов был коснуться меня, когда я безотчетно приник к земле. И лишь только я успел это сделать, как услышал над собой сухой треск, — это шар, разбрасывая искры, пронесся над мной. Затем раздался оглушительный грохот, и на меня навалился мрак...

Когда я пришел в себя, гроза еще продолжалась, хотя и не с такой силой, как прежде. Мое лицо было залито чем-то липким, и когда я поднес к нему руку, то убедился, что это была кровь. Я был ранен вероятно осколком камня, но рана была не опасна, так как я без особого труда поднялся на ноги. Со Сравнившись с мыслями, я восстановил в памяти происшедшее, и мне все стало ясно.

Как это не пришло мне в голову с самого начала!

Кристаллы горного хрустала.

Явление, свидетелем которого я только что был, мне уже приходилось наблюдать. Тогда также была гроза, и точно такой же огромный шар влетел в комнату через раскрытую печную трубу, а потом вылетел в окно. На улице шар разорвался с таким же грохотом, как и этот. После того случая мне стал гонятен народный обычай закрывать во время грозы печные трубы и окна.

Другими словами — я имел дело с служдающей шаговинной молнией. Сгущенный комок электричества залетел в пещеру и был пронесен через каменный коридор течением воздуха. При выходе из него он попал в струю водопада, а может быть прикоснулся к скале, от чего и последовал разряд.

Гонец Мусса, пытавшийся проникнуть в эту пещеру, несомненно был убит такой же молнией.

ТРЮМ И ПАЛУБА

Исторический рассказ Василия Яна

Рисунки худ. Б. Шварца

В двадцати пяти километрах к юго-востоку от Рима расположено горное озеро Нэми; оно является кратером потухшего вулкана значительной глубины — свыше 100 метров. Неоднократно на берегу озера находили выброшенные волнами старинные предметы римской эпохи — кольца, бронзовые обломки и пр. У древних писателей имеются указания, что на озере Нэми римские императоры устраивали празднества на увеселительных судах. Известно также, что некоторые из этих судов затонули.

В октябре прошлого года ученые экспедиции начали систематическое обследование озера; уровень воды был искусственно понижен на несколько метров, и удалось коснуться драгами одной затонувшей галеры. Судно было поднято на поверхность, все покрытое тиной и водорослями. Сохранилась лишь нижняя часть с килем, боковые брусья и множество художественно исполненных бронзовых украшений.

Эта ценная находка дала надежду на возможность новых открытий, которые обогатят наши сведения о древне-римских кораблях. Может быть они принесут также новые данные из эпохи древнего Рима.

Рассказ «Трюм и палуба» является попыткой восстановить картину гибели на озере Нэми увеселительного корабля Калигулы³⁾.

* * *

Красильщик Силан, бледный, испитый, с каплями пота на лбу, растопырив мокрые руки, выпачканные до локтей синей краской, выскочил из

³⁾ Гай Цезарь Август Германик, более известный по насмешливому прозвищу Калигула (Сапожник), которое ему дали за привычку псаказываться повсюду в походных солдатских сапогах (caligae),

своей мастерской на улице. Там уже толпились соседние ремесленники; перешептываясь, они глазели на нарядную процессию, тянущуюся мимо них. Сапожник Пафий, бородастый гигант в большом кожаном перед-

хотя он и не был полководцем. Калигула царствовал три года девять месяцев (37—41 гг. нашей эры) и за это время успел промотать колоссальные сбережения своего предшественника Тиберия (5,6 миллиардов

¹⁾ В Москве, в Оружейной палате.

²⁾ На Урале находили кристаллы горного хрустала в 1/2 тонны весом.

нике, с черными взъерошенными волосами, объяснял, что сегодня г-ся знает Рима едет на праздник, устраиваемый цезарем на горном озере «Нэмурензис» (лесное), приказом цезаря переименованное в «Зеркало Дианы»¹⁾.

— На такие празднества у цезаря находятся деньги, а с нас сборщики податей готовы содрать единственную нашу шкуру, чтобы только вытрясти из нее побольше серебра.

— Моего брата Тетриния за это даже продали в рабство, — сказал Пафий.

— Как же смели это сделать с свободным римским гражданином?

— Ты знаешь Скаптия-ротозвизка? Он ссудил Тетринию две тысячи сестерций²⁾, чтобы он мог уплатить свои долги и штрафы, наложенные цезарем. Брат не мог их вернуть в срок, и, по закону, Скаптий сделал Тетриния своим рабом, а затем продал за тройную против долга цену. Тетриний пытался убежать, но его поймали и каленым железом наложили на щеку клеймо. Новый хозяин продал Тетриния на галеры. Мне неоткуда достать денег для выкупа брата, а на галере он скоро надорвет свои силы. Говорят, больше года не выживает ни один гребец.

— Смотрите, вот едет на празднество молодой богач Фабий.

— Я вчера отнес ему сапоги из красного сафьяна, специально заказанные для этого праздника.

— Сколько сестерций он заплатил тебе за сапоги? — спросил подошедший пирожник Рустик; он нес корзинку с пирожками, начиненными свиной требухой.

— Опять ничего, как и раньше.

— Он прежде износил твои сапоги, чем ты получишь за них.

— Но если я не исполню его требования, то он не заплатит и за прежние заказы. Патриции ведь могут сделать с нами все, что захотят Тише, вот и он сам...

Мимо говоривших медленно проезжала нарядная колесница, отделанная серебром и слоновой костью и покрытая пурпурным египетским ковром. Два серых мула были убраны расшитыми золотом чепраками и

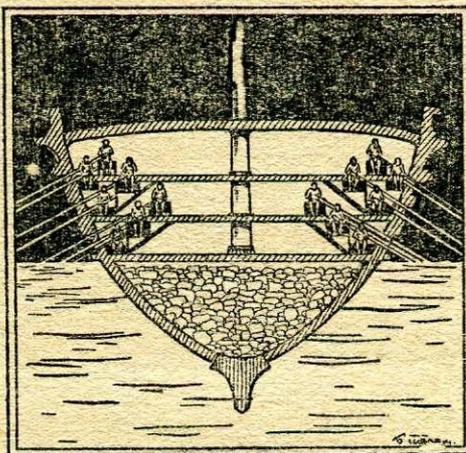
рублей на современные деньги) и довести население до отчаяния своими преследованиями, жестокостями и казнями. Известно его изречение: «Жаль, что человечество не имеет только одной головы, чтобы ее сразу можно было отрубить». Он умер 29 лет, убитый приближенными, как и большинство римских императоров.

¹⁾ Диана — богиня луны и охоты. На берегу озера находился храм, посвященный Диане.

²⁾ Сестерция — римская монета, равная приблизительно 6 коп.

серебряной сбруей. В коляске, на месте кучера, держа Селые вожжи и длинный бич, сидел изнеженного вида молодой римлянин с искосно завитыми пышными кудрями. Его белая тога, видимо только что вынутая из-под гладильного пресса, лежала красивыми складками. У его ног сидел на корточках возница, черный раб с большими серебряными кольцами в ушах. Колесница Фабия вдруг остановилась, давая дорогу быстро продвигавшейся процессии.

Восемь рослых носильщиков в красных плащах беглым шагом несли на длинных полированных шестах белые крытые носилки, разукрашенные позолотой. Из-за полосатых полураздвинутых занавесок видна была

Поперечный разрез древне-римской галеры.

лежавшая женщина, закутанная в длинную столу, с лицом, полузакрытым прозрачной вуалью. Впереди носилок, крича и разгоня встречных, шагали четыре негра-скорохода с пестрой повязкой на бедрах и серебряной дощечкой на груди, на которой было вырезано имя их госпожи: «Харита Поппея».

Женщина сделала приетственный жест рукой, блиставшей кольцами и браслетами, и Фабий, бросив вожжи и бич кучеру, с выражением крайней почтительности подошел к носилкам. Поппея сообщила ему, что не может ехать по черной базальтовой мостовой Рима, на которой ее очень трясет, и рабы поэтому донесут ее до большой Аппиевой дороги за городом, где будет ожидать экипаж. Собеседники обменялись последними новостями, занимавшими внимание высшего съета столицы.

— Скажите, в честь какого бог-жества устроен праздник? Я до сих пор этого не знаю, — спросила Поппея. — Говорят такие вещи, что я даже не могу поверить. Но я женщина и многого не понимаю.

Красильщик, сапожник и пирожник вместе с другими любопытными протеснились поближе, чтобы услышать новости из разговора двух знатных римлян.

Фабий, по обычаю франтов того времени, картавя и делая вид, что не может произнести половины слов, рассказал нежным томным голосом, что Сожественный цезарь, полный высокой премудрости, произвел своего любимого жеребца Ицитата в звание сенатора и по этому случаю устраивает небывалый истории праздник. Жеребец будет помещен на увеселительном корабле императора, и вся знать Рима должна прибыть на озеро «Зеркало Дианы», чтобы поздравлять несравненного скакуна с его новым высоким назначением... Шесть роскошных кораблей императора уже перенесены по сухопутью несколькими сотнями быков и рабов через ущелья и спущены на озеро. Для этого были сделаны особые прочные катки с дубовыми сплошными колесами, обитыми железом. Когда один корабль повалился набок и его борты сломались, тут же были выоробачены все сопровождавшие его рабы и казнен каждый десятый...

— Теперь рабы похожи на тиров, — добавил, смеясь, Фабий, — у их спины разрисованы полосы от ударов плетей.

При этих словах красильщик толкнул сапожника локтем:

— Ты слышал, Пафий? Рабов галер выпороли. Среди них, кажется, находился и твой брат Тетриний?

— Я надеюсь, что по крайней мере он не был одним из десятых, — хмуро ответил сапожник, опустив голову.

Харита Поппея в свою очередь рассказала Фабию, что богатые коммерсанты, у которых она накануне выбирала восточные драгоценности, готовы уплатить большие суммы, чтобы только присутствовать на празднике и увидеть «священную особу» цезаря.

— Но это легко сделать! — Фабий обрадовался случаю заработать на чванном честолюбии богатых купцов. — Вот к нам приближается мой дядя Кассий Херрея. Он служит центурионом в гвардии императора. Ему ничего не стоит переговорить с распорядителем церемоний и пропустить на корабль верных почитателей молодого повелителя.

Несколько всадников по два в ряд, блистая медными панцирями и шлемами, с копьями в руках показались из-за угла. Впереди ехал старый седой воин в тунике с двумя

пурпурными полосами ¹⁾. Его угрюмому лицу придавал еще более суровое выражение рассекавший его висок глубокий шрам. Порожнявшись с носилками, центурион остановился коня. Подошел Фабий и, поспешно приветствуя, изложил просьбу Хариты Поппеи. Центурион ответил:

— Ваше желание будет исполнено. Лица, за которых вы просите, могут находиться на корабле номер пятый, куда цезарь приказал поместить приглашенных по особому списку, лично им составленному. Он указал, что на этот корабль можно еще добавить желающих, готовых принести свои средства в подарок цезарю.

Позади послышались крики:
— Расступитесь! Дайте дорогу!
Толпа бросилась в сторону. Кастий Херрея вскочил на коня и рысью двинулся вперед. Харита Поппея сделала знак рабам, которые быстрым черным шагом стали продвигаться среди толпы. Фабий вскочил в конюшину и, щелкая бичом, погнал мулов.

Сзади стали усиливаться звуки шумной песни, которая покрывала гул кипящей улицы. Приближалось несколько сот рабов, их гнали на озеро «Зеркало Дианы». Группа вооруженных всадников ехала впереди; тупыми концами копий они толкали загораживавших путь прохожих. За ними шли рядами полуголые рабы разного цвета, доставленные в Рим со всех побережий Средиземного моря. Здесь были бронзовые египтяне, бледножелтые сирийцы, черные нумидийцы с курчавыми волосами и костяной палочкой в носовом хряще. Самыми рослыми были белокурые германцы и мускулистые волосатые скифы с широкой рыжей бородой. Все они несли на плечах громадные длинные весла.

Расталкивая толпу, сапожник подбежал к худощавому рабу, шедшему с краю. Его ноги были скованы цепью, середину которой подтягивал ремень, привязанный к поясу, чтобы цепь не волочилась по земле.

— Брат Тетриний, возьми пирожков, луку и чесноку. Я успел их занять у соседа-пирожника. Почему такие несчастья свалились на твою голову? За что боги наказали тебя?

— Не боги, а жадность Калигулы. Он готов продать в рабство всех римлян, чтобы получить новые деньги для своих пиров.

Крики надсмотрщика и удар плетью отогнали сапожника от его брата. Угрюмые рабы шли тяжелыми шагами и пели:

Не ждите нас, отец и мать,
Вам больше сына не видать.
Ударь веслом, ударь еще,
Откинь сильней назад плечо.
Уносит нас вперед волна,
Все дальше наша сторона.
Ударь веслом, ударь еще,
Откинь сильней назад плечо.

* * *

Длинная вереница рабов под конвоем вооруженных всадников подошла к небольшому озеру, расположенному у подножия горы Артемизии, заросшей приземистыми соснами. Озеро находилось в котловине, окруженной невысокими горами. Разноплеменные рабы всех оттенков кожи, теперь покрытые дорожной известковой пылью, казались одинаково серыми. Измученные, они бессильно растянулись на земле.

Тетриний, стоявший ближе всех к берегу, выкупался в прохладной воде глубокого озера и почувствовал себя бодрее. Его взгляд ошупывал окрестные хребты, выходящие по ним тропинки, и мысль о новом побеге волновала его.

На озере уже стояли близ берега шесть раскрашенных нарядных кораблей. Один из них, поврежденный в пути, слегка накренился, и толпа рабов возилась около него, гулко колотя молотками по изломанному борту.

В стороне протянулось по склону горы бедное горное селение с приплюснутыми хижинами, сложенными из камней и покрытыми хворостом. Жители — пастухи, одетые в бараньи шкуры и грубые коричневые шерстяные плащи, — глядели расширенными, блестящими от удивления глазами на шумную пеструю толпу, все прибывавшую к берегам обычно тихого, безлюдного озера. Со всех сторон подходили преторианцы ²⁾ в блестящих медных латах, бесчисленные служащие и рабы, которые вели лошадей, мулов и ревуших ослов. Всевозможные колесницы, двух и четырехколесные, подвозили знатных патрициев и их семейства. Гости направлялись, чтобы переодеться, к нарядным пестрым палаткам, заблаговременно разбитым вдоль берега.

Через некоторое время вспомнили о рабах; им были выданы вареные бобы, по куску хлеба и кружке вина с уксусом. Затем их погнали на

корабли, разукрашенные гирляндами цветов и разно ветными флажками, трепетавшими от ветра. Пока двести рабов гуськом спускались в трюм через небольшую люк, Тетриний рассматривал убранство корабля. На палубе были устроены красивые киоски и арки, под ними находились скамьи, покрытые дорогими цветными тканями. Виноградные кусты и плодовые деревья со спелыми фруктами были живописно размещены в разных местах, скрывая певцов и музыкантов. Середина палубы была затянута громадными восточными коврами.

Удар бича по голым плечам заставил Тетрилия быстро нырнуть в черное отверстие люка. По узкой лестнице он спустился вниз. После дневного света сверху показалось, что он попал в полный мрак, но вскоре глаза привыкли, и слабый свет проник сквозь заделанные железными прутьями люки и отверстия в борту корабля, из которых высовывались висащие на ремнях рукоятки ста семидесяти весел. Пять рядов скамеек, один над другим, были расположены вдоль обоих бортов. Полуголые гребцы, крича и ругаясь, невольно натываясь друг на друга в полутьме, рассаживались по скамьям.

Несколько кузнецов с щипцами и молотками подходили поочередно к каждому из гребцов и приковывали короткой цепью одну ногу к толстому поперечному брусу, на котором держались скамейки.

Так как Тетриний был римлянин, его оставили для посылки. Большинство рабов были чужеземцы, плохо понимавшие латинскую речь, и их загоняли как скот с помощью бичей. Около двадцати рабов были оставлены неприкованными, чтобы сменить во время гребли выбившихся из сил.

На возвышении посреди трюма стоял гортатор (надсмотрщик), который ударами железного молотка по столу должен был выбивать такт для ровной гребли. По окрику гортатора все гребцы положили руки на тяжелые, налитые свинцом рукоятки весел и оставались в напряженном положении, ожидая команды. Сквозь палубу глухо доносился шум прибывающих гостей, тонот пробегавших матросов, крики команды.

Загремели удары в медные щиты, запели трубы, давая императорские сигналы, и раздались громкие приветственные клики. Рядом подплыл и остановился корабль, на котором находился сам цезарь.

Сквозь железные прутья люка Тетриний увидел множество нарядно одетых патрициев в белоснежных

¹⁾ Тога с двумя пурпурными полосами свидетельствовала о принадлежности к знатному сословию «всадников» (eques).

²⁾ Преторианцы — гвардия римских императоров.

тогах с красной и пурпурной каймой. У всех на голове были надеты венки. Впереди стоял император — высокий молодой человек, очень тучный, но со впалым худым лицом, в красной одежде, расшитой золотом. Его высокий лоб был полуприкрыт венком. Глубоко сидящие глаза лихорадочно и недоверчиво осматривали окружающих. Прицепленная золотая борода придавала цезарю вид актера.

Рядом с ним стоял большой рыжий жеребец с гривой, заплетенной в мелкие косички, перевитые цветными лентами, с позолоченными копытами и драгоценным ожерельем на шее. Два старых патриция стояли по сторонам коня и держали золотые цепи, прикрепленные к недоузду. Князь похрапывал, перебирал ногами по мягкому ковру и косился блестящими глазами на огни, пылавшие в железных корзинах, возвышавшихся на подставках около бортов.

Присутствовавшие гости по очереди проходили сперва мимо жеребца, кланяясь ему как высокому сановнику и восклицая: «Призет коню цезаря, сенатору Инцитату!» Затем они приближались к Калигуле.

Цезарь протягивал очень тонкую, несмотря на его тучность, руку, и патриции, подобострастно наклоняясь, подходили и целовали ее. Когда к императору склонился старый центурион Херрея с косым шрамом через все лицо, протянутая рука Калигулы вдруг вцепилась в седую бороду и вырвала несколько волосков.

— Смотрите, — воскликнул с деланным хохотом император, — я у него вырываю волосы, а он остается таким же спокойным, как всегда!

Центурион побледнел, шрам на его лице побагровел, но Калигула в выражении лица старого воина не мог найти ничего, за что бы он мог обвинить его и, махнув рукой, разрешил ему отойти.

Тетриний, получив удар по ногам, отскочил от люка. В трюме стало крайне душно. В нескольких местах раздавались крики:

— Бибэра! ¹⁾

Тетриний и его неприкованные товарищи пробирались с глиняными чашами по рядам, подавая пить задыхавшимся в трюме гребцам. Раздался новый окрик надсмотрщика, и молоток звонко ударил по доске. Мускулы напряглись, тела откинулись назад, и рукоятки весел стали равномерно двигаться.

— О-ооп! О-ооп! — выкрикивал надсмотрщик при каждом ударе.

* * *

По всему побережью озера упали деревянные щиты, загораживавшие заранее зажженные костры, и яркие огни осветили поверхность озера и ближайшие уступы гор. Через определенные промежутки времени костры снова загораживались щитами, и все погружалось во мрак. Тогда пять кораблей двигались вокруг озера как сказочные чудовища, блистая множественным огнем, зажженных вдоль бортов.

Посреди озера медленно шел особенно разукрашенный шестой корабль, на котором находился сам Калигула. В руке цезарь держал свернутый папирус, и приближенные предполагали, что там написана новая его ода. Император приказал, чтобы все другие пять кораблей непрерывно двигались вокруг озера, не уменьшая скорости. Маленькая лодка, в которой кроме гребцов сидело несколько человек с топорами, медленно отчалила и объехала все корабли, передавая приказание Калигулы. Потом она прицепилась к последнему пятому кораблю.

Плети надсмотрщиков проворно забегали по плечам рабов, голосуя тугие мускулы. Молоток гортатора застучал быстрее, шум от опускавшихся весел усилился, включения визжали, корабли понеслись, вспенивая неподвижную гладь озера.

Калигула обмякшей поступью прошел на свое место, позади роскошного убранного стола, за которым, по его приказанию, вместо слуг стояло несколько старейших сенаторов, одетых в холщевые передники рабов. Император весь вечер отдавал безумные приказы, словно испытывая терпение своих приближенных. Закованные в латы телохранители Калигулы — германские наемники, которым он платил громадное жалованье, не

Крики ужаса и мольбы о помощи раздавались с горящего корабля.

доверяя своим гражданам, — стояли вытянувшись близ цезаря готовые исполнить каждый его каприз.

Внезапно бледное худое лицо Калигулы покраснело от приступа гнева. Венок, украшавший его лысый череп, съехал на бок, и цезарь закричал:

— Ах, какие чудные кудри у этого красавца Фабия! Конечно он не откажется подарить их императору вместе со всем своим имуществом... Ха, ха!..

Германские телохранители, приняв каприз императора, бросились исполнять его приказание.

— Посмотрим... посмотрим, как будет выглядеть этот надменный юноша, когда его обреют, рзденут и привяжут к мачте на гя.ом корабле... — хихикал Калигула, и весь хор сенаторов и гат ищев выражал одобрение словам «б жественного цезаря».

С растерянного Фабия сорвали одежду, красные сапоги, обрезали волосы и потащили к лодке, чтобы отвезти на пятый корабль.

Праздество продолжалось, отличаясь разнообразием, великолепием

¹⁾ Бибэра (по-латински) — пить.

безрассудной роскошью. Гостей угощали громадными рыбами, откормленными в императорских прудах, котлетами преступников и рабов, салатом из соловьиных язычков и другими необычайными блюдами, приготовленными искусными поварами.

Акробаты, извивавшиеся как змеи, фокусники, фокусники, канатоходцы, фокусники, танцовщицы и египетские певцы и танцовщицы поражали своим искусством зрителей, не находивших достаточно слов, чтобы выразить свое восхищение.

Равнодушным оставался только Цезарь, в честь кого был устроен замечательный праздник, любимый конь Цезаря Инцитат, хотя сам император кормил его с золотого блюда золотенным осом и даже произвел его из сенаторов в высшее звание империи — консула.

* * *

Под конец праздника Калигула вел пергаментный список, лежавший около него на столе, и несколько раз удалил им по золотой монете. Прогрели медные щиты, вывели трубы, и все замолкло, ожидая, что Цезарь споет новую, сочиненную им песню. На всех кораблях затихли музыка и гонимые, и только весла продолжали мерно всплывать воду, поскрипывая в кожаных уключинах. Щиты закрыли безжизненные костры, и озера снова погрузилось во мрак.

Внезапно на пятом корабле вспыхнул пожар. Маленькая лодочка отделилась от него и стала кружить около озера. Длинные весла корабля выметались и бессильно опустились, как перебитые ножки сколопендры⁴⁾. Дикие крики ужаса и вопли о помощи стали раздаваться с горящего корабля. Пламя быстро хватывало просмоленные снасти и выжигало деревянные киоски; во все стороны падали и кры. Многие стали прыгать в воду. Приязанный к мачте корабль рвался и кричал, прося его связать перед смертью. От яркого пламени низкие облака и хребты гор стали розовыми.

Калигула стоял, расставив длинные тонкие ноги и, развернув пергамент, кричал:

— Сам велкий Юпитер наказал! Вот у меня список лиц, бывших на корабле, они все тайные противники цезарской власти. Их ищущие

становятся собственностью Цезаря... Слышите их песни, — какая прекрасная музыка!.. Ха-ха-ха!..

И Цезарь стал читать по пергаментному списку имена лиц, которые осуждены им на сожжение живьем...

* * *

Тетриний и несколько других неприятели рабов, как только заметили пожар и панику на своем корабле, бросились на помощь оставленным на произвол судьбы товарищам. В трюме раздавались отчаянные крики. Громадные кимвры, рыча от ярости, пытались разорвать цепи, сухие сирийские грызли себе руки, мохнатые скифы затаили грубый голос и дику «песню смерти».

— Крепитесь, друзья! Мы вас освободим! — кричал Тетриний.

Схватив молоток портатора, он бросился к ближайшему гребцу. Черный нубиец, вырвав молоток, двумя ударами перебил кольцо своей цепи и, визжа, бросился к решетке люка.

— Назад! Ты должен помочь друзьям! — пытался его остановить Тетриний, но тот, не оглянувшись, оттолкнул Тетриния и стал взбираться по трапу.

Гребцы выгнали друг у друга молоток. В паническом ужасе они дробили один другому головы и руки, теряя последнюю надежду на свободу. Через решотку люка стал пробираться дым, загорелась лестница, ведущая наверх. Одновременно в трюм хлынула вода, затопля сидевших внизу рабов, — это люди с лодки прорубили борт.

Некоторые рабы, видя неизбежность смерти, стали петь заунывные песни, другие кричали:

— Прощайте, друзья! Проклятие тиранам!

Тетриний побежал наверх по горящему трапу. Вокруг выхода пылало. Могучему нубийцу вместе с Тетринием и некоторыми другими рабами удалось выломать решотку люка и выскочить на палубу.

«Вот случай убежать», — стучало в голове у Тетриния, и, накрыв голову краем плаща, он пробежал пылающую палубу и бросился за борт. Он слышал предсмертные крики и песни погибавших двухсот рабов, отдававшихся ужасным эхом в горах.

Галера наклонилась набок и стала быстро погружаться, шипя и потухая. Когда на месте гибели корабля растаяло громадное облако пара, на поверхности воды показались затейливые киоски, скамейки, бревна,

доски и цеплявшиеся за них тонущие люди. Маленькая лодка коршунем кружилась по воде, и сидевшие в ней слуги Калигулы добивали топорами пытавшихся спастись.

Объятые ужасом оркестры и хоры на других кораблях замолкли, но Калигула, обернувшись, закричал:

— Играйте гимн Цезарю! — и дрожащие музыканты, сбиваясь с такта, заиграли торжественную мелодию.

* * *

На другой день утром, наполовой вершине горы Артемизии сидело два человека. Один был старый пастух, закутанный в баранью шкуру. Его седые волосы резко выделялись на загорелой темной коже. Он насаживал лепешку на конец ножа и грел ее над углями. Лепешка становилась мягкой, и он передавал ее Тетринию, устало сидевшему рядом. Его тело было покрыто садами и пузырями от ожогов. Бараньим салом, растопленным в черепке, он смазывал свои раны и два кровоточивые кольца на ногах, оставшиеся от цепей.

— Ты пройдешь хребтами немного к югу, — объяснял пастух, — затем подождешь наступления ночи. Тогда ты осторожно пересечешь большую Аппиеву дорогу. По ней всегда движется много народу, — увидят круги на ногах, сразу догадуются, что ты беглый, и тебя схватят. Пройдя Аппиеву дорогу, ты пойдешь опять горами, а пастухи тебя подкормят²⁾...

* * *

В тот же год зимою Калигула был убит заговорщиками, когда проходил подземным ходом из дворца в храм бога Юпитера. Первым нанес удар мечом по лицу старый центурион Кассий Херрея. На место Калигулы вступил другой император, но от этого мало что изменилось в еще могучем, но уже гниющем Риме. Все оставалось попрежнему: и рабство, и насилие, и рабское пресмыкание патрициев перед Цезарем...

²⁾ В замечательном сочинении Светония «Жизнь двенадцати Цезарей», описывающем и царствование Калигулы, упоминается некто Тетриний, который был схвачен воинами императора и после жестоких пыток казнен, обвиненный как разбойник. Надо предполагать, что, став во главе группы беглых рабов, спасавшихся в горах, Тетриний после долгой и отчаянной борьбы с отрядами Цезаря, был наконец окружен более сильным противником и погиб, защищая свою свободу.

⁴⁾ Сколопендра — род многоножек — ядовитая, достигает длины более 20 см. обитает в жарких странах. Встречается часто в Крыму и на Кавказе.

СРЕДИ КНИГ

ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ

Тяга к исследованию мирового пространства за пределами земли, желание «на крыльях подняться к солнцу», — эти мощные стимулы человечества с незапамятных времен увлекали мудрецов и поэтов, людей вымысла и науки всех веков и народов.

Всем известны фантастические романы Уэльса, Жюль-Верна и др., герои которых летали из нашей планеты: одни — путем создания гигантской пушки, другие — невесомого металла «каверита».

Только что вышедшая книжка «На луне»¹⁾ касается такой же темы путешествия двух ученых на луну и их приключений на этой безвоздушной спутнице нашей планеты. Эта книжка замечательна тем, что ее написал известный изобретатель К. Э. Циолковский, впервые доказавший математически выкладками возможный способ для человека проникнуть в межпланетное пространство, положив как основу идеи аппарата — ракету.

В безвоздушном пространстве не применимы известные способы передвижения — колесо, винт или пропеллер. Снаряд, вылетающий из пушки, чтобы преодолеть земное притяжение, должен иметь начальную скорость 11 километров в секунду. Но снаряды самых дальнбойных орудий вылетают со скоростью лишь $1\frac{3}{4}$ километра в секунду. Однако никакие предохранительные меры при такой чудовищной скорости не помогут, и все живые существа в снаряде будут раздавлены в момент выстрела. Только ракета, в которой люди сумеют управлять горением взрывчатого вещества и варьировать скорость, будет в состоянии получить огромную окончательную быстроту полета с плавной постепенностью, не опасной для ее пассажиров.

Автор книжки К. Э. Циолковский, идеи которого о звездоплавании теперь разрабатываются учеными разных стран, — сын бедного учителя, самоучкой добившийся звания учителя математики. Сорок лет он занимался преподаванием, отлаивая свободное время вопросам науки и техники. Всевозможные идеи и проблемы захватывают его: ракета-звездолет, затем проект металлического управляемого аэростата из волнистого железа, поднимающего сразу двести человек, и наконец еще интересное изобретение — сверх-скорый поезд, пробегающий тысячу и более ки-

лометров в час. «Такой поезд с разбега будет перелетать без мостов через широкие реки и даже через морские проливы в десятки километров ширины»...

Книжка К. Э. Циолковского дает образно и понятно описание луны, а вступительная статья известного популяризатора новейших достижений науки Я. И. Перельмана объясняет теорию ракетных полетов и дает некоторые сведения о замечательном авторе этой теории.

АФГАНИСТАН В ОГНЕ

Исключительные события, происходящие в Афганистане, освещаются на основании новейших данных в своевременно появившейся книжке Л. Нариманова — «Афганистан в огне гражданской войны» (Изд. «Прибой», Ленинград, 1929 г., 99 стр., ц. 30 к.).

Краткое историко-экономическое введение объясняет возникновение этого «лоскутного государства», составленного из множества разноязычных племен (иранских, тюркских, монгольских), разбросанных среди высоких гор и долин, связанных фанатизмом ислама и суровым деспотизмом монарха, который опирался главным образом на чисто афганские племена, занимавшие привилегированное положение. Следующая часть очерка Нариманова рисует структуру новейшего Афганистана и вскрывает экономические причины крушения царствования Аманулла-хана.

Этот энергичный правитель, как будто бы полный благих намерений, на самом деле всеми своими реформами содействовал исключительно интересам нарождающегося торгового капитала. С одной стороны урезывая, но недостаточно, права земельных феодалов и духовенства, Аманулла в то же время ничего не сделал в пользу главного стержня и кормильца страны — крестьянства (индустриальный пролетариат в стране только сейчас нарождается). Наоборот, внедрение капитализма значительно ухудшило положение пахарей и скотоводов, жестоко эксплуатируемых князьями, ханами и беками.

Все реформы Аманулла, чисто буржуазного, но не революционного характера, проводились за счет усиления налогового режима на крестьян, оставшихся в главной массе арендаторами и батраками у феодалов.

Симпатии же крестьян могли быть завоеваны только аграрной революцией, наделением их землей, удовлетворением их насущных нужд, чего они со стороны нового правителя не видели.

Таким образом Аманулла оказался без поддержки народных масс, надеясь провести свои культурные реформы с помощью исключительно небольшой группы

прогрессивной молодежи и еще недостаточно дисциплинированного войска. Так как одновременно Аманулла-хан выступил защитником независимости Афганистана и противником английского империализма, то этим он обрушил на себя те реакционные силы Афганистана, которые уже направлялись империалистическими триггерами из-за границы.

Рекомендуя эту книжку читателям, мы бы желали, чтобы при втором ее издании материал был более систематизирован, разбит на мелкие главы и по возможности было упрощено изложение, чтобы облегчить усвоение «афганского вопроса» рядовому рабочему-читателю.

В. Я.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

САМОЛЕТ-СЕЯЛКА

Недавно на севере Тихоокеанского побережья САСШ произошел первый в истории авиации случай применения аэропланов для засева травой огромных площадей земли. Рассеивались семена пропеллерами каждого самолета засевай ежедневно по 150 до 200 акров. Посев с воздуха, несмотря на высокую стоимость работы аэропланов и устройство специального оборудования, оказался более дешевым, чем ручной или машинный.

СКОЛЬКО ЛЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ?

Этот вопрос не перестает интересовать ученых. Американские ученые на основании последних раскопок, произведенных в окрестностях Багдада, утверждают, что человек в его теперешнем виде появился в Мезопотамии около миллиона лет назад.

Первобытный человек жил в условиях мягкого климата и скоро достиг довольно высокой степени культуры. Так проходили тысячелетия, пока не наступила эра великого движения льдов. Четыре последних ледниковых периода, сильно сократив население земного шара, загнали человека в пещеры и сделали его кочевником.

По мнению знаменитого шведского геолога Антевса, человечество находится теперь в конце четвертого ледникового периода, который достиг максимума 1500 лет назад. 12 000 лет назад лед впервые начал отступать из Средины Европы на север. Началом новой истории человечества, как полагает Антевс, следует считать именно этот момент. Человечество быстро двинулось вперед, достигнув теперешнего состояния. В ближайшие 10—15 тысяч лет следует ждать полного окончания четвертого ледникового периода. Тогда растают ледяные массы, покрывающие южный и северный полюса, и на земле настанет продолжительный период теплого климата.

Ю.

Ответственный редактор Н. М. Яковлев.

Заведующий редакцией Вл. А. Полов.

ХЛОРОДОНТ

ГЕРМАНСКОЕ КОНЦЕССИОННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ЛЕО-АРЕЗАН, МОСКВА, ОЛЬХОВСКАЯ 16

МЯТНАЯ ЗУБНАЯ ПАСТА
ПРИДАЕТ ЗУБАМ БЕЛИЗНУ
УНИЧТОЖАЕТ ДУРНОЙ ЗАПАХ
ИЗО РТА
УНИЧТОЖАЕТ НЕКРАСИВЫЙ
НАЛЕТ НА ЗУБАХ

ОВОСТЬ!

УЩЕНЫ
ФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ
ЭЛЕКТРО-ЗАПИСИ
ПЕРЕННАЯ ЯСНАЯ ПЕРЕДАЧА
БОЛЬШОЙ ВЫБОР
СНИЖАЕТСЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ 50%
ОСТАВА СУММА ВАЛОН. ПЛАТЕНЬ
НАЧИСЛЕНА НА 35 КОП. ПОЧТ. НАКЛАДКА
ИЗ ТРЕСТ-ВСНХ
С ДАМЬЯ 1905 г.
УЛ. КОЖУХИНА, 2. М.-В. ЖЕЛ. ДОР.
ПРИЕМ. ПЛАСТИНКИ ВО ВСЕХ
УЛ. И ТРЕСТ. ОБ-ВАХ.

БУЮ КНИГУ
С. ИЛОЖ. ПЛАТЕЖ, В
СРОК. МОСКВА, ПО-
ЛИТЕРАТУР. МУЗЕЙ, 110/В.
КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ.

НИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ
2:32:36
ИЛИ ЯВИТСЯ УПОМОЩЕН-
НОЕ ПРИЕМА ОБЪЯВЛЕНИЙ
В ЖУРНАЛ
«ВОКРУГ СВЕТА»

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

ГОС. АКЦ. ИЗДАТ. ОБ-ВА

«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»

ПЕРЕЕХАЛ В НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Никольская ул., д. 10.

Переводы и всю корреспонденцию направлять по указанному адресу.

Переводы и корреспонденция, уже высланные по прежнему адресу, доставляются по новому адресу.

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ

EXTRACTUM TESTICULORUM

ОТДЕЛ
В МОСКВЕ

ЛАБОРАТОРИИ
КООПЕРАТИВА

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ

Вытяжка из семенных желез
приготовленная по способу проф. д-ра СЕКАРОВА

ПРЕЙДУДАТ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
БЕСПЛАТНО

ПРИ
ОТСУТСТВИИ
В МЕСТНЫХ
АПТЕКАХ И
МАГАЗИНАХ
САМЫМИ
ЛАБОРАТОРИИ
ВЫСЫЛАЕТ
НЕ МЕНЕЕ
2 ФЛАКОНОВ
ПО ПОЛУЧЕНИИ
25% ЗАДАТКА

ЦЕНА
ФЛАКОНА
2 РУБЛЯ
ПЕРОСЫЛА
ЗА НАШ СЧЕТ
ВРАЧАМ ДА
ИСПЫТАНИИ
GRATIS

ИЛЕН МОСКВА

СТЕНОГРАФИЯ для ВСЕХ
И. Соколова. Руко-
водство одобрено
Гос. Учен. Сов. По-
нятное, обстоятель-
ное изложение, ми-
упражнен., гарант.
легкость самостоя-
тельного изучения.

Недостаток в стенографах обеспе-
чив. быстрое применен. знан. Курс
с прилож. словаря выс. налож. пл.
за 2 р. 75к. с перес. Москва, Мохо-
вая, 22/В. Кооп. Т-во «Самообразование».

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР
«ГУТЕНБЕРГ» необх.
и полезен. Каждый мо-
жет сам легко составл.
и печат. любой текст:
бланки, конверты, нар-
точки, повест., счета,
стихи, имя, отч., фам.
и пр. 115 научн. бун-
цифр, знаков и украш. со
всеми принадлеж. и руково. 1 р. 50 н., 220 б.
2 р. 50 н., 320 б. 3 р. 75 н., 500 б. 5 р. 75 н.
Перес. за счет заказчика. Высыл. налож.
плат. по получении 1/2 стоимости. Пред-во
Ф-н Ш. ОРАЧ, г. Винница. Ст. Город, ул.
Октябрь, 12. А. АШИХМИН.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ для всех

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Цена № в отд. продаже 35 к.—ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ!

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ НА «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ»!

Издаваемый нами журнал «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» и приложения к нему обычно сохраняются подписчиками и составляют часть их личной библиотеки, что видно из поступающих от подписчиков просьб к Издательству об изготовлении для них крышек для переплета комплектов «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА» и приложений к нему.

Идя навстречу выраженному подписчиками желанию, Издательство, помимо изготовляемых ежегодно крышек для комплектов «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА», открывает подписку на крышки для комплекта приложений к нему — сочинений ДЖЭКА ЛОНДОНА.

Всего будет выпущено для комплекта самого «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА» за 29 год — 1 крышка и для сочинений ДЖЭКА ЛОНДОНА (48 книг) — 12 крышек.

Все крышки будут изящно выполнены, гранитоловые с золотым тиснением, на крышках ДЖЭКА ЛОНДОНА будут вытиснены также и номера томов.

В виду ограниченного количества комплектов этих крышек, отпуск их будет производиться лишь по предварительной подписке и по заказам, поступившим после I/XI. Изд-во не гарантирует высылку. — В отдельную продажу крышки не поступают.

ЦЕНА ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОДПИСКЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ НА КРЫШКУ «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» в 90 коп. и на 12 КРЫШЕК ДЛЯ ДЖ. ЛОНДОНА 7 Р. 50 К. ЗАКАЗЫ НА ЧАСТЬ КРЫШЕК ДЛЯ СОЧ. ДЖ. ЛОНДОНА — т. е. НЕ НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ — НЕ ПРИНИМАЕТСЯ. КРЫШКИ БУДУТ ВЫСЫЛАТЬСЯ ЗАКАЗНОЙ БАНДЕРОЛЬЮ. СТОИМОСТЬ ПЕРЕСЫЛКИ ЗА СЧЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

ПРИ ЗАКАЗАХ НА КРЫШКИ ДЛЯ ДЖ. ЛОНДОНА ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА: ПРИ ЗАКАЗЕ — 3 РУБ., В ЭТОМ СЛУЧАЕ КРЫШКИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ В 4 РУБЛЯ 50 КОПЕЕК.

ЗАКАЗЫ НА КРЫШКИ ДЛЯ «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА» ДОЛЖНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОЛНОСТЬЮ ОПЛАЧИВАТЬСЯ. ВЫСЫЛКА КРЫШЕК БУДЕТ ПРОИЗВОДИТЬСЯ ЯНВАРЕМ—ФЕВРАЛЕМ 30 ГОДА.

В виду того, что первая половина собр. соч. ДЖ. ЛОНДОНА выходила в 28 и 29 году (в 28 г. по II аб. и 29 г. по III аб.) на бумаге разной плотности, что влияло на объем книг, подписчикам в заказе необходимо указывать, в каком году ими получалась первая половина ДЖ. ЛОНДОНА, т. к. крышки будут изготовляться соответственно объему книг.

ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОС. АКЦ. ИЗДАТ. ОБ-ВА «ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»
МОСКВА, Никольская, 10, телефон 2-24-63.

сведению анонсодателей. Тариф объявлений в журнале «Вокруг Света» устанавливается следующий: 1 страница — 1750 руб., 1 строка непарели — 3 руб. Сверх тарифа — госналог 10%.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Албычев П. Физика на самодельных приборах.
Выпуск первый. Стр. 215. Ц. 1 р. 30 к.
Выпуск второй. Стр. 164. Ц. 1 р. 15 к.
Аронсон Ю. Жидкий воздух. Стр. 72. Ц. 50 к.
Берен. Рассказы о борьбе человека с природой. Изд. 7-е.
Стр. 200. Ц. 1 р.
Вальдгард С. Есть ли жизнь на других мирах. Стр. 79.
Ц. 40 к.
Гремяцкий М. Человек-животное. Стр. 176. Ц. 85 к.
Гремяцкий М. Что такое наследственность и как она
проявляется у человека. Изд. 2-е., дополн. Стр. 64.
Ц. 30 к.
Дудинский А. Н. От старого к новому земледелию.
Стр. 100. Ц. 50 к.
Елачич Е. О душевной деятельности животных. Изд. 4-е.
Стр. 128. Ц. 75 к.
Ермилов Н. Е. Свет на службе человека. Стр. 159. Ц. 30 к.
Кайгородов Д. Из царства пернатых. Ц. 50 к.
Кайгородов Д. Пернатые хищники. Изд. 2-е. Стр. 111.
Ц. 30 к.

Конобеевский С. Электрическая лампочка. Стр. 95.
Ц. 60 к.
Лебедев Н. Завоевание земли.
Том I. Древнее время. Стр. 388. Ц. 1 р.
Том II. Новое время. Стр. 280. Ц. 1 р.
Том III. XIX век и наше время. Стр. 424. Ц. 2 р.
Лебедев Н. Наши реки. Стр. 172. Ц. 1 р.
Лебединский В. К. Электричество и его служба чело-
вечеству. Изд. 3-е., исправл. и дополн. Стр. 100. Ц. 70 к.
Левин Дорш и Кунов. Первобытная техника.
Стр. 464. Ц. 50 к.
Лубоцкие Е. М. и Д. Н. Нервы жизни. Стр. 94. Ц. 55 к.
Лункевич В. В. Животные-кровопийцы и дармоеды.
Изд. 7-е., дополн. Стр. 63. Ц. 35 к.
Лункевич В. В. Жизнь муравьев. Изд. 9-е, дополн.
Стр. 103. Ц. 45 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата.
ПО ПОЧТЕ любую из этих книг высылает немедленно по
получении заказа наложенным платежом
МОСКВА, 64, ГОСИЗДАТ «КНИГА—ПОЧТОЙ».

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК

ПРИЕМЫШ

Художественный фильм в 6 частях

Режиссер В. Н. Журавлев
Художник В. Б. Аден
Оператор В. П. Семенов

В главных ролях:
Н. Михайлова, Тяпкина,
И. Мохов и Муравин

ПРОИЗВОДСТВО ОБЪЕДИНЕННОЙ ФАБРИКИ

«СОВКИНО»

МОСКВА

С
О
В
К
И
Н
О